

Ф.Ф. Палицын

ЗАПИСКИ

1914 – 1916

Федор Палицын

**Записки. Том I. Северо-Западный
фронт и Кавказ (1914 – 1916)**

«Издательство им. Сабашниковых»

Палицын Ф. Ф.

Записки. Том I. Северо-Западный фронт и Кавказ (1914 – 1916) /
Ф. Ф. Палицын — «Издательство им. Сабашниковых»,

Фёдор Фёдорович Палицын (1851–1923), генерал от инфантерии, один из ближайших сотрудников великого князя Николая Николаевича, в 1905–1908 гг. возглавлял Главное управление Генерального штаба. В 1 томе воспоминаний автор описывает события 1914–1916 гг., когда он находился сначала при штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта М. В. Алексева, а затем при штабе командующего Кавказской армией Н.Н. Юденича. Незаурядные познания в военном деле, опыт, профессионализм позволяют автору «Записок» объективно оценивать ситуацию на фронте и в тылу. Его записи отражают обычно скрытую сторону деятельности штабных и руководящих военных инстанций, раскрывают подлинный механизм выработки решений. Деятельность многих военачальников подвергается в его воспоминаниях неприкрытой и беспристрастной оценке, со всей военной неразберихой, ошибками и казусами. Публикуются впервые.

© Палицын Ф. Ф.

© Издательство им. Сабашниковых

Содержание

Генерал Ф.Ф. Палицын и его «Записки»	7
Записки генерала Ф. Палицына (1914–1921)	25
Северо-Западный фронт	25
18-го октября. 93-й день мобилизации.[19]	25
19-го октября	27
20-го октября	30
21-го октября	31
22-го октября	31
23-го октября	32
От штаба Кавказской Армии	32
24-го октября	33
25-го октября	34
25-го октября	35
От штаба Кавказской армии	35
27-го октября	37
28-го октября	40
29-го октября	41
30-го октября	42
От Штаба Кавказской армии	43
31-го октября	43
Штаб Кавказской армии	43
1-го ноября	44
Штаб Кавказской армии	44
2-го ноября	44
Штаб Кавказской армии	45
3-го ноября	45
Штаб Кавказской армии	45
4-го ноября	45
Штаб Кавказской армии. 4-го ноября	46
Штаб Верховного главнокомандующего от 4-го ноября	47
Штаб Кавказской армии от 4-го ноября	47
5-го ноября	47
6-го ноября	48
Штаб Кавказской армии	48
7-го ноября	50
Телеграмма Верховного главнокомандующего от 7-го ноября	52
8-го ноября. О положении 6-го ноября	53
От штаба Кавказской армии	53
9-го ноября	53
Штаб Кавказской армии	55
10-го ноября	55
11-го ноября	57
12-го ноября	58
Штаб Кавказской армии	58
29-го апреля 1915 года. Седлец	59

Конец ознакомительного фрагмента.
Комментарии

60

Федор Федорович Палицын
Записки. Том I
Северо-Западный фронт и Кавказ
(1914–1916)

© Издательство им. Сабашниковых, 2014

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Издательство выражает благодарность Павлу Лукину, Федору Палицыну, а также Жерару Горохову и Андрею Корлякову за помощь в подготовке текста и иллюстраций книги

Генерал Ф.Ф. Палицын и его «Записки»

Первая мировая война – или Великая война – как ее называют в Европе, сыграла ключевую роль в становлении современного миропорядка. Начавшись 100 лет назад, она заложила основы политической и экономической системы Европы до сего дня. Тем не менее многие вопросы о том, что же происходило в те роковые годы, остаются без ответа. Еще меньше знакома с этим насыщенным событиями отрезком времени отечественная публика.

Впервые публикуемые «Записки»¹ генерала Фёдора Фёдоровича Палицына, входившего в круг высшего руководства российской армии, лично присутствовавшего почти на всех театрах военных действий, от Кавказского фронта до Восточной Пруссии, Галиции и во Франции, – представляют собой весьма авторитетный исторический источник.

Род Палицыных ведет свое начало из Подолии, упоминается в родословных книгах с 1373 года. Почти все Палицыны так или иначе связаны с военной и государственной службой.

Федор Федорович родился 28 октября 1851 в г. Юрьев Лифляндской губернии². Среднее образование получил в Орловской военной гимназии. В службу вступил в 1868, поступив в 1-е Павловское военное училище, которое окончил по 1-му первому разряду.

В 1870 был прикомандирован к лейб-гвардии Царскосельскому стрелковому батальону с переименованием в прапорщики гвардии. В 1875–1877 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба, после окончания которой был причислен к корпусу офицеров Генерального штаба.

Ф. Ф. Палицын принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., где отличился, находясь в должности старшего адъютанта 1-й гренадерской дивизии на Кавказском театре военных действий, в делах под Ягнами, Субботаном, Авлиаром и Карсом, и был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, а также и орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

В 1879–1889 годах продолжил службу на штабных должностях Гвардейского корпуса. В апреле 1884 произведен в полковники, в январе 1889 назначен начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, а в 1891 – помощником начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. В 1894 был произведен в чин генерал-майора, в мае 1895 назначен на должность начальника штаба генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича.

Являясь одним из ближайших сотрудников великого князя, Палицын принял участие в деле улучшения подготовки кавалерии, в разработке нового строевого кавалерийского устава и формировании кавалерийских частей.

В сентябре 1904 направил на имя императора Николая II особую записку о реформировании Генерального штаба. Этот проект был поддержан великим князем Николаем Николаевичем, и в июле 1905 Ф.Ф. Палицын возглавил Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) и одновременно был введен в Совет государственной обороны (СГО).

Будучи талантливым штабным работником и глубоко понимая военное дело, в том числе и специфику службы Генерального штаба, Палицын подготовил ряд положений и проектов, в т. ч. «Положения об управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба». Часть из его предложений была реализовано в ходе военной реформы 1907–1909 гг.

Деятельность Ф.Ф. Палицына на посту руководителя ГУГШ, начиная со времени его назначения, вызывала и продолжает вызывать весьма противоречивые оценки.

Советский читатель имел возможность узнать о существовании начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына из мемуаров известного советского дипломата генерал-лейтенанта А.А. Игнатьева³.

А. А. Игнатьев относился к своему начальнику иронично и без особой симпатии. Федора Федоровича Палицына автор мемуаров называет «Федей», как бы снижая его статусность. Игнатьев вспоминает неудачи Палицына в его общении с восставшими солдатами 1-й Особой пехотной дивизии Русского экспедиционного корпуса в лагере Ля Куртен во Франции. Тогда,

¹ Здесь и далее: Записки. Северо-Западный фронт и Кавказ (1914–1916). I том / Ф.Ф. Палицын. – М.: Издательство им. Сабашниковых. 2014. – 328 с.: ил.; Записки. Франция (1916–1921). – М.: Издательство им. Сабашниковых. 2014. – 368 с., ил.

² Здесь и далее биографические данные приводятся на основании послужного списка члена Государственного Совета Ф.Ф. Палицына// РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.398. Л.1-157

³ А.А.Игнатьев. 50 лет в строю. М.: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы. 1951, ТТ.1–2.

в 1917 году, после известий о революции в России, генерал обратился к взбунтовавшимся с речью, и получил из толпы – «старая калоша». Сам Игнатъев характеризует генерала как представителя поколения, впавшего в маразм.

В посмертно изданной монографии Л.Г. Бескровного⁴ деятельность генерала Палицына упоминается без каких-либо оценок, но подробно освещается история создания, место и структура в системе управления вооруженными силами Главного управления Генерального штаба, воссозданного по инициативе Палицына и им же возглавленного.

Введение в научный и общественный оборот большого комплекса специальной и мемуарной эмигрантской литературы⁵, новые исследовательские работы по истории российской императорской армии позволяют ныне увидеть роль Ф.Ф. Палицына значительно шире⁶.

Однако выделение службы Генерального штаба из структуры Военного министерства, прямая подчиненность императору в период реформирования вооруженных сил страны вызвали известные нарекания со стороны военного министра А.Ф. Редигера и генералитета. Редигер подверг жесткой критике служебные и личные качества Палицына, нелицеприятно охарактеризовав соперника в своих мемуарах⁷.

Так, например, он пишет:

«...человек неглупый, очень добросовестный и усердный работник, он был отличным исполнителем всякой заданной ему работы; он добросовестно выяснял все стороны вопроса и, сам совершенно не способный принять то или иное решение, все свои сомнения выкладывал великому князю, который, благодаря этому основательно знакомился со всяким вопросом и затем, со свойственной ему решительностью, принимал решение.

Палицын не сразу сдавался; он добросовестно продолжал развивать свои аргументы за и против, пока великий князь не остановит его решительным указанием, что и как надо делать. Не менее этой добросовестности великий князь в нем ценил всегдашнее спокойствие и личную преданность. Палицын действительно был невозмутимо спокоен и действовал успокоительно на нервного и вспыльчивого великого князя, которого, вероятно, не раз удерживал от необдуманных шагов. Самая речь Палицына, медленная, тягучая и бесцветная, и всегда длинная, была способна загипнотизировать кого угодно и успокоительно действовала на великого князя. Преданность Палицына не подлежала сомнению и он распространял ее и на долголетнюю сожительницу князя...»

К сожалению, эти два достойных российских военных деятеля не смогли найти общего языка ни между собой, ни в отношениях с императором Николаем II.

Впрочем, государь в итоге разрешил конфликт в полном соответствии со своим фирменным подходом к решению кадровых вопросов. После возвращения ГУГШ в состав Военного министерства, 13 ноября 1908 года Палицын был освобожден от должности и назначен членом Государственного Совета, а в марте 1909 был отставлен и военный министр, также отправленный членом по назначению в Государственный Совет.

⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986.

⁵ См.: Лагерный сбор 1907 года. Из писем генерал-майора М.В.Алексеева/Примеч. В.М.Борель// 1972. № 115. С. 1–3; Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969–1970. ТТ. 1–2; Сухомлинов В.А. Воспоминания. – Берлин, Рус. Университетское издание, 1924; Шварц А.В. фон. Ивангород в 1914–1915: Из воспоминаний А.В. фон Шварца, коменданта крепости. – Париж, Танаис, 1969; Галич Ю. Среди монархистов: (Из берлинских воспоминаний)//Новое русское слово. 1927. 3 января (№ 5090).

⁶ См., например: Кавтарадзе А.Г. Военные реформы в России 1905–1912 гг. // Реформы и реформаторы в истории России: сб. статей. М., 1996. С. 157–166; Кожевникова Г.В. Главное управление Генерального штаба накануне первой мировой войны (1910–1914). М., 1998; Алпеев О.Е. Введение военной игры в качестве обязательной формы подготовки генералов и офицеров в русской армии накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.)// <http://history.milportal.ru/2014/07/o-e-alpееv-istoriya-rozuyavleniya-i-razvitiya-voennoj-igry-v-russkoj-armii-1824-1905-gg/>

⁷ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. М., 1999.

В дальнейшем назначение военным министром В.А. Сухомлинова, не обладавшего административным талантом Редигера и стратегическим мышлением Палицына, его последующая деятельность наглядно показали все пагубные последствия их соперничества.

Взлеты и падения в служебной карьере генерала сопровождались драматическими событиями в семейной жизни.

В 1875 году Палицын женился на Марии Антоновне Скалон⁸. Она родилась 1 октября 1849 г. в Санкт-Петербурге в семье действительного статского советника и камергера А.А. Скалона.

В 1876 году у них родился первенец – сын Федор, но умер, не дожив до двух лет. Антон, родившийся в 1881 г., умер в 1883 г. 14 января 1879 в семье Палицыных родился еще один сын, получивший имя Федора, а 23 февраля 1883 – самый младший сын – Сергей.

Судьба была немилостива к супругам, ибо и двое оставшихся сыновей не дожили до зрелого возраста. Поручик лейб-гвардии Конного полка Сергей Федорович Палицын, будучи в отпуске в Ницце, 19 декабря 1905 скончался от раны, полученной вследствие неаккуратного обращения с оружием.

Судьба Федора Федоровича была еще более трагична. Он погиб 5 июня 1909 года в результате падения воздушного шара «Генерал-лейтенант Ванновский», принадлежавшего Всероссийскому аэроклубу. Как потом показало расследование, оболочка шара была прорвана во время его переноски, но повреждение было обнаружено только в воздухе. Полет был демонстрационный, поэтому вместе с инженером министерства путей сообщения Федором Федоровичем Палицыным-младшим в корзине шара находились его супруга Надежда Вячеславовна (урожденная фон Брадке, 1887–1957), заместитель председателя аэроклуба, заведующий канцелярией и секретарь императрицы Александры Федоровны граф Я.Н. Ростовцев и аэронавт капитан Н.Н. Герман.

Шар быстро поднялся в воздух на высоту около 800 метров, затем был отнесен ветром к Шлиссельбургскому тракту (совр. проспект Обуховской Обороны), где пересек Неву. Полет продолжался не более 15 минут, когда шар вдруг резко пошел вниз и буквально рухнул на землю на правом берегу Невы, за фабрикой Торнтон (совр. – в районе комбината им. Э. Тельмана).

Когда к месту падения подоспели врачи, Федор Палицын был уже мертв. Его супруга получила тяжелые травмы, также был ранен пилот Герман. Меньше всех из участников полета пострадал граф Ростовцев, который во время падения догадался покинуть корзину и вскарабкаться вверх по веревкам, соединявшим ее с шаром.

Гибель тридцатилетнего сына стала страшным ударом для родителей, которые потеряли к этому времени уже трех сыновей. Федора Палицына похоронили на Казанском кладбище в Царском Селе, возле могил его братьев.

Чудом уцелевшая после катастрофы Надежда Вячеславовна осталась одна с внуком генерала Палицына Сергеем, и спустя некоторое время вышла замуж за Георгия Маврикиевича Дестрема, вместе с которым эмигрировала во Францию в 1917 году.

Мария Антоновна, супруга генерала, так и не смогла оправиться после смерти всех своих сыновей и умерла в 1915 году.

Немногим меньше года после смерти первой супруги, 24 апреля 1916 года Ф.Ф. Палицын женился вторично на вдове финляндского дворянина Артура Блезе, Анне Михайловне, тоже урожденной Скалон⁹. Именно Анна Михайловна, как следует из её автографа в конце текста

⁸ РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.398. Л.16 М и об.

⁹ РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.398. Л.121

рукописи¹⁰, подготовила и передала после смерти генерала папки с «Записками» на хранение в Стэнфордский университет.

Наследником и продолжателем рода Палицыных стал Сергей Федорович Палицын-младший (6 (19) августа 1906, Санкт-Петербург – 4 декабря 1978, Париж, Сент-Женевьев-де-Буа) впоследствии коммерсант, редактор и церковный деятель. Внук Ф.Ф. Палицына окончил в Париже Русскую гимназию, позднее – лицей Мишле в Ванве, где получил диплом коммерческого специалиста со знанием английского языка.

С 1926 по 1928 работал секретарем рекламного отдела фирмы «Мессапо» (выпускавшей товары для детей). В 1928–1935 гг. редактировал журнал «Vu» и некоторые другие. В 1939 был призван в вооруженные силы Франции, участвовал в боевых действиях, попал в плен, но в 1943 бежал и скрывался от нацистов до освобождения Парижа. Впоследствии, до 1972 года, работал в различных коммерческих организациях, одновременно в течение многих лет являлся членом приходского совета церкви Святого Иоанна Воина в Медоне, где священником был отец Александр Трубников.

В настоящее время в Париже живет и работает правнук генерала – Федор Сергеевич Палицын (3 апреля 1945, Булонь-Бийанкур, под Парижем). Финансист, окончил в 1969 году Высшую школу коммерции и экономики, а с 2000 по 2009 гг. учился на богословском факультете Католического института Святого Дионисия в Париже. В 1990–2009 гг. – генеральный секретарь и финансовый директор фирмы «Siemens France».

* * *

С началом войны, в начале ноября 1914 года Ф.Ф. Палицын добивается разрешения находится в действующей армии, где исполняет должность генерала для поручений и советника при штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Михаила Васильевича Алексеева.

По роду своей деятельности ему также приходится постоянно контактировать с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем, что позволяет ему быть в курсе операций, проводимых и на других фронтах, и подробно анализировать на страницах записок как общее положение, так и детали боевых действий. Он инспектирует подготовку оборонительных сооружений Ковенского района, в Бресткой крепости, готовит доклады о состоянии тыловых коммуникаций, железных дорог в прифронтовой полосе, военных поставок, артиллерийского и иного снабжения.

Его записки отражают обычно скрытую сторону деятельности штабных и руководящих военных инстанций, раскрывают подлинный механизм выработки решений, функционирования военной машины во всех ее подробностях. Деятельность многих военачальников подвергается в его воспоминаниях неприкрытой и беспристрастной оценке, со всей военной неразберихой, ошибками и казусами.

В августе 1915 года произошло событие, изменившее всю расстановку сил в высшем командовании. Император Николай II принял решение возложить на себя роль Верховного главнокомандующего, а великий князь Николай Николаевич был отправлен наместником на Кавказ.

Как один из ближайших сотрудников великого князя Ф. Ф. Палицын в декабре 1915 также прикомандировывается к штабу Кавказского фронта, где и находится до сентября 1916.

Между тем ситуация на Кавказском фронте в плане управления оказалась чрезвычайно запутанной. Великий князь Николай Николаевич стал главнокомандующим Кавказским фронтом, генерал Н. Н. Юденич – командующим Кавказской армией. Штаб фронта и армии органи-

¹⁰ Палицын Ф.Ф. Записки. Т.2. – В дальнейшем ссылки на настоящее издание не приводятся.

зационно не были разделены, непосредственное управление армиями фронта осуществлялось Юденичем, под формально высшим руководством великого князя.

Путаница с тыловым устройством, командно-организационная сумятица во многом нивелировала боевые успехи корпусов и дивизий. Несмотря на ряд удачных операций, результат не всегда был таким, как планировался, о чем с горечью пишет Палицын. Мужество, решительный порыв боевых подразделений во многих случаях растрачивались понапрасну. Юденич, как пишет, Палицын подчас руководил операциями армии издали, по телеграфу, не имея возможности ориентироваться в реальной обстановке на местах. Штабные офицеры злоупотребляли канцеляризмом, оперативные директивы проводились с опозданием.

К сожалению, ни статус действительного члена Государственного Совета, ни высокий воинский чин генерала от инфантерии, без реальной командной или штабной должности не позволял Палицыну быть максимально полезным на этом месте.

Подготовка специальных аналитических записок, различных предложений и выполнение сколь угодно сложных поручений не могли удовлетворить человека, который мог и хотел быть полезным своей стране.

В сентябре 1916 он был назначен представителем Ставки в Военном совете союзных армий во Франции, но и там его деятельность ограничивалась преимущественно представительскими функциями.

5 мая 1917 в связи с упразднением должности члена Государственного Совета по назначению был уволен от службы и оставлен за штатом, а 14 декабря 1917 на основании декрета Совнаркома был уволен заочно, причем дата увольнения была определена 25 октября 1917 г.¹¹

20 сентября 1917 Ф.Ф. Палицын покинул Россию по службе и уже навсегда оказался в эмиграции во Франции, сначала даже не подозревая об этом.

В 1918–1920 гг. он возглавлял ряд комиссий и Военно-исторический и статистический комитеты при Русском политическом совещании в Париже, принимал участие в подготовке справок и докладов для возможного участия российских представителей на Парижской мирной конференции.

К концу 1920 года материальное положение Ф.Ф. Палицына и его семьи значительно ухудшилось, как, впрочем, и многих русских военных, оказавшихся за рубежом. В январе 1921 года генералу удалось не только основать в Париже Союз русских офицеров – участников войны, одной из целей которого был сбор средств и помощь нуждающимся, но и добиться его признания как равноправного участника во французском Национальном союзе комбатантов (Association national des camarades de combat).

Отрывочные сведения по истории возникновения этой эмигрантской организации были опубликованы в сборнике документов о русской военной эмиграции¹².

Так, в письме одного из руководителей Российского общевойскового союза (РОВС) Е.К. Миллера П.Н. Врангелю от 17/30 сентября 1923 года указывается на «...значительное количество в составе Парижского союза почтенных генералов и офицеров, не связанных в прошлом с Русской армией и, наконец, в виду особых условий образования здешнего офицерского Союза, возникшего в свое время ... по почину генерала Палицына, исключительно как благотворительное общество...»¹³.

Однако нравственных сил, здоровья и средств для реализации нового детища по-прежнему не хватало. Отношения с представителями французского истеблишмента значительно ухудшились, и Палицын принял решение о переезде в Германию. В конце лета 1921 года Пали-

¹¹ РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.398. Л.148об-149

¹² Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т.2. «Несбывшиеся надежды... 1923 г.», М.: Триада-Х. 2001

¹³ Там же, С. 385–389

цыны перебрались в Берлин. И здесь немолодой генерал также не смог остаться в стороне от общественной деятельности.

В памятной записке о возникновении и деятельности берлинского отдела Общества офицеров Генерального штаба в Германии от 29 апреля 1923 года, составленной для руководства РОВС, приезд Палицына в Германию отмечен особо.

«Перелом в жизни отдела, – значитесь в докладе, – произошел с момента вступления в число его членов генерала от инфантерии Ф.Ф. Палицына, совпавший с приездом нового представителя генерала Врангеля полковника фон Лампе.

Новое правление с первых же дней своего существования энергично принялось за дело объединения офицеров Генерального штаба и приняло все меры, чтобы это объединение действительно проявилось, а не осталось лишь на бумаге, как это было до тех пор. Генерал Палицын своим авторитетом и популярностью и популярностью среди офицеров Генерального штаба много поспособствовал тому, что очередные общие собрания, на которых он неизменно присутствовал, посещались охотно и с интересом. Собрания первое время созывались два раза в месяц, но уже с сентября происходили еженедельно.

По предложению генерала Палицына каждый из присутствующих по очереди докладывал собранию о своей службе, начиная с первых дней Великой войны. Эти доклады естественно приводили к обсуждению операций как Великой войны, так и Гражданской, и в прениях принимали участие все присутствовавшие»¹⁴.

Необходимо также отметить, что именно к берлинскому периоду жизни Палицына относится и начало публикации «Записок» в журнале «Военный сборник» – «В штабе Северо-Западного фронта»¹⁵.

Скончался Федор Федорович Палицын в Берлине 19 февраля 1923 года. Несмотря на неоднозначную оценку его роли и места в период его службы во главе Генерального штаба, а главное, не взирая на стесненность в средствах, товарищи по оружию смогли найти возможность почтить его память.

Так, в сводке о жизни союзов во 2-м отделе РОВС указано, что «...Союзу с большим трудом, но удалось осуществить свое решение увековечить память его первого председателя и бывшего начальника русского Генерального штаба генерала от инфантерии Палицына.

На средства, полученные от сбора в парижском офицерском собрании, основателем которого был генерал Палицын, среди офицеров Генерального штаба в Германии, пожертвования от военного представительства в Германии был поставлен памятник на могиле покойного Ф.Ф. Палицына, и в присутствии почти всех членов памятник был освящен и отслужена панихида»¹⁶.

Могила Ф.Ф. Палицына на берлинском кладбище Тегель сохранилась до настоящего времени¹⁷.

* * *

Настоящая рукопись, озаглавленная автором «Записки генерала Ф. Палицына (1914–1921)», хранится в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета.

Текст напечатан на пишущей машинке на листах форматом 21,5 на 28,5 см через копировальную бумагу и является 2-м экземпляром рукописи.

¹⁴ Там же, Т.2. С. 288–290

¹⁵ Палицын Ф.Ф. В штабе Северо-Западного фронта. //Военный сборник. 1922. № 3. С. 158–185; 1923. № 4. С. 266–282; № 5. 1923. С. 308–325

¹⁶ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т.5. Раскол. 1924–1925 гг. М.: РГГУ, 2010, С.162

¹⁷ <http://pogost-tegel.info>

На страницах текста имеются многочисленные рукописные вставки от нескольких слов, обозначающих географические наименования или фамилии лиц на французском языке, до многостраничных текстов документов, опубликованных ранее во французской периодической печати и вписанных в промежутки между машинописным текстом. Некоторые имена собственные и топонимы даны в транскрипции, отличающейся от современной.

Хронологически записки охватывают период с 18-го октября 1914 по 27 марта 1921, когда генерал Ф.Ф. Палицын сделал последнюю запись в своем труде, подведя итоги почти семилетней работы.

Рукопись Ф.Ф.Палицына представляет собой три сброшюрованные папки. Каждая имеет свою валовую нумерацию, общим объемом около 1400 страниц.

1. Северо-Западный фронт, 1914–1915 (с. 1– 217); Кавказский фронт, декабрь 1915 – сентябрь 1916 (с. 218–348).

Приложения: полевые книжки, доклады, донесения (Северо-Западный фронт, апрель – август 1915) (с. 428–486); (Кавказ, декабрь 1915 – сентябрь 1916) (с. 349–427).

2. Франция, 1916–1921 (с. 1 – 631);

Приложения. Полевые книжки 1917: письма, донесения.

(Франция, январь – ноябрь 1917) (с. 632–680).

3. Пережитое. 1916–1918 (с. 1 – 192, 259–301).

Собственно, последняя папка представляет собой более ранний набросок рукописи, содержащейся во 2-й папке, но включает отдельные эпизоды, опущенные Ф. Ф. Палицыным при подготовке рукописи 2-го тома.

1-я и 2-я папки озаглавлены автором, как соответствующие тома «Записок генерала Ф. Палицына».

Записки содержат не только сведения о военных действиях в Восточной Пруссии, Польше и на Кавказском фронте в 1914–1916 гг., участие русских экспедиционных частей в боевых операциях во Франции и Греции, анализ взаимодействия союзных войск при подготовке и проведении совместных операций, но также и личную оценку автором событий и действий военных и гражданских властей в России в описываемый период.

Особую значимость работе Ф.Ф.Палицына придает отчетливо дневниковый характер большинства записей. И это существенно отличает рукопись от многочисленных воспоминаний участников Великой и Гражданской войн, созданных значительно позже описываемых событий, когда политические позиции авторов были уже жестко определены и даже признание каких-либо положительных качеств за противником рассматривалось как отступление или капитулянство.

Безусловно, записки составлялись на основе регулярных записей, которые не сохранились или, что вполне возможно, были автором уничтожены. В тексте присутствует всего несколько авторских упоминаний, свидетельствующих об использовании дневниковых записей в дальнейшей работе над рукописью.

Так, 19 июня 1915 года в тексте появляется запись: «Будучи не у дел, я пишу и рассуждаю. Что я бы делал, если был бы ответственным деятелем? Я думаю, то же самое», а 8 ноября 1915, находясь под тяжелым впечатлением от смерти жены и перевозки ее тела из имения Травино в Тульской губернии в Петроград, а также от обстановки на фронте и в тылу, Палицын записал: «Два месяца не заносу ничего из того, что меня волнует и занимает».

Трудно объяснить, например, такое обстоятельство, что больше всего упоминаний о работе с дневником было сделано в марте-апреле 1918.

1 марта Палицын чрезвычайно четко формулирует своё представление о целях и задачах своих записок: «Мои записи не исследование. Записываю, что думаю. Чтобы объяснить причины бед наших, надо отдельно разобрать все перечисленные выше элементы, дать им оценку, ту, которую дала мне моя продолжительная жизнь и мое знакомство с учреждениями, кото-

рые правила русской жизнью. Смелая задача. Но, вероятно, не я один думаю и обсуждаю эти вопросы, и если в будущем мои слабые строки встретятся с мыслями лиц более знающих, более опытных и наблюдательных, быть может, и эти слова прольют кой-какой свет на причины современных явлений».

22 марта генерал отмечает, что «...был занят все время, и это мешало ... вести мои записки», а 26 марта вдруг вспоминает, что ему было «...ясно еще в январе и феврале 1917 года, о чем ... и телеграфировал в нашу Главную квартиру и занес в своих записках тогда и в феврале этого года...». 3 апреля автор вновь обращается к прошлому: «В 1916 году, наблюдая жизнь, я отметил в своих записках, что в 1918–1919 мы будем во власти величайшего врага человечества – голода».

И вдруг 7 апреля следует запись, в которой Палицын неожиданно задумывается о будущем своего дневника: «Он, [В.И. Гурко] был занят вопросом издания своих записок, или дневника; хорошее дело. Не приняться ли и мне за обработку своих записок. Слишком много в них интимного, и это меня удерживает». И здесь необходимо отметить, что, подготавливая вариант для публикации, Палицын твердой рукой изъясил из текста практически все, что могло бы иметь отношение к его личной жизни.

Последнее упоминание относится к последней записи в рукописи от 23 марта 1921 года: «Я прекращаю свои записи: нет времени и нет сил записывать».

Те м не менее значительный интерес вызывает авторская позиция практически по всем основным вопросам, занимавшим умы современника в эпоху революций, в годы 1-й мировой и гражданской войн.

Записки Палицына интересны тем, что охватывают весь период коренного перелома в жизни России с 1914 по 1920 гг., а в тексте уживаются и точка зрения профессионального военного, и переживания гражданина, наблюдающего крушение великой страны и с трудом воспринимающего истинные масштабы глобальной катастрофы.

Записи 1914–1915 гг. больше касаются военных аспектов происходящего на фронтах. Палицын пишет о русской армии в превосходных тонах: «Бесспорно, инструмент, которым мы владеем, превосходен. Приходя в контакт с противником, он его бьет и в условиях наиболее трудных, когда он действует на фронт противника». Однако еще через месяц замечает, что «...Войска хороши и все сделают, но недостаток в снабжении может поставить свои властные требования».

И наконец: «Наша манера стоять и отражать – доблестна, но в оперативном отношении она выгодна только противнику».

Постепенно настроение и тон отзывов меняются, появляются все больше и больше критических замечаний, отражающих сложное положение на Восточном фронте и начавшееся наступление германских войск.

Вот запись от 4 июля 1918 года:

«Но горе в том, что войска слабы числом, много невооруженных, патронов мало, офицеров недостаточно, артиллерия сократилась, снарядов мало. С армией начала войны, мы в этом опасном положении не только бы удержались, но могли бы разбить врага...».

И чуть дальше:

«Эти крошки войск, что дерутся на юге, выказали столько самоотверженной силы, что диву даешься, откуда она взялась в людях, истомленных месячными боями и непрерывными отступлениями. ...Наступает серьезная минута для армии».

«Враги безнаказанно бьют нас. Поэтому обороняясь мы, надо думать, теряем больше их. При таких условиях думать о наступлении, не имея перевеса в силах, не приходится. В этом трагизм нашего положения; его плохо понимают в России. У нас громадная армия по спискам, но дай Бог, чтобы борющихся из этой массы было бы 40–50 %. И это мало кто знает. А так как

борящаяся масса тает, а рабочая и находящаяся сзади не тает, а растет, то окажется – взяв 1 мил. ртов, биться может быть будет 300 тысяч. И все это создано постепенно».

Обстановка меняется к худшему, и тон записей делается все более и более мрачным: «События принимают трагический оборот. Опасаюсь худшего и не от противника, а от самих себя».

Все больше и больше места занимает в записках состояние тыла фронта:

«15-го августа. В тылу столпотворение и такая гибель невооруженных солдат, что голова кружится. Все это сидит в вагонах днями и распускается, а изнутри страны двигаются новые пополнения, идут новобранцы, мальчишки. Хорошая для них школа для начала?»

«Мы оторвали громадное количество людей от всего. У нас, наверное, на казенном пайке более 5 миллионов, а бойцов, дай Бог, 400–500 тысяч, т. е. 1/10 или 1/8. При таком отношении успешно войну вести нельзя, даже в том случае если будет не 1/8, а 1/4»

К теме беспорядка в тылах добавляется тема наступающего коллапса на транспорте и лавинообразно нарастающая проблема беженцев.

«На железных дорогах полный беспорядок, рожденный не железными дорогами, а совокупной деятельностью всех. Дисциплины никакой. В деятельности снабжения путаница и противоречия невероятные. Нет власти, нет руководства, а войска без железных дорог, в то время, когда они больше всего нужны, и так нужны, что без них армия будет бедствовать. Гражданская власть действует в вопросах о беженцах наперекор интересам армии. Напрасно несчастных, срываемых с земли, называют беженцами. Они не бегут, а главную массу выселяют. Бедствие сильное и в конце концов обратится против нас. Дороги будут запружены; железные дороги тоже. Эпидемии найдут богатую пищу и распространение.

9 дней жил в этой бедственной обстановке – среди страданий массы стариков, женщин, детей, спасающихся со своим скарбом. Ужасная картина разорения. И это дело неразумия гражданских властей и своеволия военных частей, тоже занимающихся выселением».

«До каких размеров дорастет это бедствие и сколько погибнет человеческих жизней и имущества, и сказать нельзя. Армии придется пережить очень трудное время благодаря новым и очень неудачным мерам по устройству тыла».

С точки зрения Ф.Ф. Палицына, ситуация в августе 1915 года еще не вышла из-под контроля и еще существовали реальные возможности изменить положение коренным образом: «Дела наши не так плохи, нам надо привести в порядок весь тыл, железные дороги, все, что будет в тылу. Надо пересмотреть и сократить те сотни тысяч здоровых солдат, которые бродят под различными наименованиями сзади и могли бы образовать не одну, а две, три армии такой же численности, как и борющаяся... Нехорошо то, что в народе утвердилось сознание, что очень плохо, что враг одолевает. А одолевает не враг, а наша беспорядочность и канцелярищина».

Особое внимание уделяет Палицын и проблемам командования и управления войск. Его оценки как человека не понаслышке знающего лично практически весь генералитет империи звучат особенно горько.

«Считаю, что и Ставка очень и очень грешна, и грех этот всею тяжестью ложится на умиротворяющего Янушкевича. Если послушать рассказы, вникнуть в отношения, то кроме абсолютной неподготовленности, как оперативный начальник штаба, он, к великому сожалению, и большой пошляк... Среди всех видов довольствий, понятно, артиллерийское играет первую роль. Мы не предполагали такого расхода, мы не предполагали войны таких размеров. Но первый месяц указал ясно, что должно дать Военное министерство и страна. Сделали ли они что-нибудь толковое и существенное. Вот в этом вся суть. Если сделано, но не вышло не по его вине – прощение. Если не сделано – виселица. Прискорбно одно, никакие кары будущего не помогут настоящему!»

«...М. В. [Алексеев] и Пустовойтенко прямо в отчаянии от работы штаба. То, что я вижу, лишь подтверждает это. Не умеют работать и не хотят, а между тем чванны и с самомнением.

Я столкнулся с чинами штаба на дорогах, и если у меня была бы власть, я бы в неделю разогнал главных деятелей и взял бы первых попавших – лучше было бы».

Ф.Ф. Палицын, постоянно соприкасаясь с главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта генералом М.В. Алексеевым, видит, в какое сложное положение поставлен командующий, и более всего переживает, что изменить это положение не в силах ни он, ни командующий, ни даже великий князь Николай Николаевич как Верховный главнокомандующий.

Он пишет:

«Положение главнокомандующего очень тяжелое. Мои чувства и доверие к М.В. вне сомнения. Идеальный начальник штаба, в нем, однако, отсутствуют некоторые данные. Почти всю свою жизнь в должности подчиненного, ему трудно, а за месяц, вижу, очень трудно стать в положение большого начальника. Его природная деликатность мешает ему ставить на место командующих армиями... Как ни всеобхватывающа личная его деятельность, но остается достаточно, и не для одного, а для двух начальников штаба. В этой громадной, личной и, скажу, главным образом организационной работе, большое горе; энергия мысли М.В. ими задавлена. И действительно, когда нужно все создавать, когда нет пополнений, ружей, патронов всех сортов, средств для связи, ...когда от кровавых боев войска истощаются и слабеют, а само положение, в смысле главного, их безопасности, безотрадно – думать об операциях трудно».

«...Мы считаем, что он даст все, что может дать сильный и проникнутый любовью к Отечеству человек. Опасность в его помощниках и в командующих армиями. Но в оправдание ему – ни одного из них он не назначал и не выбирал».

Особое место занимает в записках Палицына ситуация, связанная со сменой Верховного главнокомандующего и влиянием, которое может оказать император как новый главнокомандующий на общее положение.

Палицын видит и недостатки Николая II как Верховного главнокомандующего:

«Мы живем в положении, где нет хозяина. Творец этого положения при том, что должен быть хозяином, по личным качествам [не] может быть хозяином. Его ложное понимание природы войны, несомненно, влияет на то, что хозяин обезличивается, а приказчикам свободы не дают, ни в действиях, ни в замысле».

Однако, сознавая все плюсы и минусы этого шага, Палицын отмечает:

«... Что будет впереди, мы не знаем, но время для этой перемены выбрано неудачно для всего дела... Но я имею чувство, что это не совершится. Я совершенно спокойно смотрю на это, ибо уверен, что перемены не будет и останется по-старому».

Он даже находит положительные стороны в этом решении: «Есть и выгоды, но они теоретического свойства: все органы государства будут, надо думать, работать иначе, но, повторяю, это теоретически. Зная людей и ход нашей жизни, я этого не предвижу. ...Личное присутствие государя при армии, кроме добра и пользы, ничего принести не может...».

Правда, в рукопись позднее была добавлена авторская реплика: «Основательно ошибся!».

12 декабря 1915 года Ф.Ф. Палицын получает новое назначение и отправляется в распоряжение главнокомандующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича. Кавказский период в его жизни и службе отмечен соприкосновением с таким, как оказалось, неразрешимым клубком проблем, как тыловые и транспортные службы Кавказского фронта, Кавказской армии и Кавказского военного округа.

Конечно, прямое общение военачальников с войсками, участие в транспортном обеспечении ряда больших войсковых операций, если не изменили, то скорректировали ситуацию в лучшую сторону. И все же общая оценка остается не слишком радужной.

«Беря наших деятелей, которые стояли у руля хода событий, беря деятельность наших военно-гражданских учреждений, беря нашу интеллигенцию, совершенно не подготовленную ни школой, ни жизнью к борьбе за эту жизнь, я победоносного конца, такого, о котором гово-

рили такие умные люди, как мои коллеги по Совету, не говорю об остальных и о газетах, – не вижу.

В 1914 году я высказался, что в лучшем случае война с подготовленной и воодушевленной Германией кончится ни то ни се. Главное – победа организованности, высшей культуры и техники должна совершиться на западе; но успех на западе будет низведен в общем бессилием на востоке. Станные слова, странные мысли. Народ, серый народ дал несоизмеримо больше, чем можно было после 1905–1906 ждать. Как всегда на войне бывает, всплыло нехорошее, но ярко и сильно выступило хорошее».

Будучи человеком, обладающим незаурядными аналитическими способностями и хорошо информированным о положении не только на всех фронтах, но и в стране в целом, Ф.Ф. Палицын мог по ходу развития ситуации делать выводы, раскрывающие смысл и взаимосвязь между событиями, в том числе и на политической арене, с учетом расклада сил между союзниками по Антанте и блоком Центральных держав.

Видимо, с учетом именно этих его качеств, ему было предложено следующее назначение.

30 сентября 1916 Ф.Ф. Палицын был вызван в Ставку Верховного главнокомандующего для получения инструкций, связанных с его новым местом службы – представителя российской действующей армии при штабе Главнокомандующего французскими вооруженными силами.

Это назначение оказалось последней должностью генерала Ф.Ф. Палицына в российской императорской армии. Именно во Франции он получил известие о Февральской революции, именно в Париже ему довелось узнать об установлении в России власти Советов, заключении позорного Брестского мира, отчаянных попытках Белого движения сохранить страну и, наконец, победе советской власти в гражданской войне.

Прибыв в столицу Франции как представитель Верховного командования, Палицын уже в который раз столкнулся с практически полным отсутствием прав и реальных полномочий при такой перспективной должности.

Его бывший подчиненный военный агент граф А.А. Игнатьев распоряжался всеми финансами, выделяемыми русским правительством для расчетов по военным заказам во Франции, и, по меткому замечанию генерала, «...денежный сундук был в его распоряжении, и он мог дать или не дать, ...ибо для этого не было выработано правил. Те, которые его не признавали, в конце концов, все-таки должны были придти к нему».

Другой проблемой, с которой довелось столкнуться Палицыну во Франции, оказался Русский экспедиционный корпус с многочисленными вопросами размещения, комплектования и лечения раненых военнослужащих. И если французская сторона делала все, чтобы удовлетворить запросы русских союзников, то соотечественники вели себя, как капризные барышни, осложняя и так непростую обстановку.

Не меньше сложностей доставили своему представителю и бывшие соратники из Главного управления Генерального штаба, когда началось переформирование русских Особых бригад в дивизию:

«Наши обе бригады должны были развернуться в 2 дивизии. Я просил развернуть их по французскому образцу, что отвечало всем военным требованиям и важнейшему управлению. В декабре представил расчеты и просил, чтобы прислали только людей, а все остальное сделаем здесь, что будет удобнее, дешевле и скорей. Но канцелярия решила по-своему. Ей до условий обстановки и существенных интересов нет дела. Она делает по трафарету и, сделав, думает, что исполнила свой долг. От нее-то мы и гибнем, ибо канцелярии до жизни никакого дела нет.

Долго они в Петрограде рядили, и наконец наперекор всем представлениям решили создать одну дивизию с артиллерией, с обозами, с лазаретами и т. п., как для французского фронта, так и для Салоник».

Однако все эти сложности поблекли на фоне известия о вооруженном выступлении, получившем известность, как восстание в лагере Ля Куртен. Соппротивление восставших было

подавлено при помощи союзников, но в деталях этого события, как в капле воды, отразились многие проблемы, связанные с пребыванием русских солдат на Западном фронте.

Палицын отмечал:

«Наши бригады были выброшены в чужую страну, как выбрасывают щенков в воду... Какой-либо организации и устройства вне войсковой зоны не было, и наши люди брошены были в госпитали с чужими людьми, не знающими ни нашего языка, ни потребностей, ни привычек наших людей...»

И дальше:

«Для многих из них я, однако, был ставленник царя и старый бюрократ. Нельзя же убеждать массу. Но что для меня, старого солдата, было сильным и неисправимым ударом – это вся обстановка людей, их выражение, их отношение.

Я увидел других людей, совсем других, чужих по всему, и это было очень больно, и этим болею до сих пор».

В Париже генерал постоянно сталкивался с союзниками, у него появилась возможность получать информацию о ходе военных действий на Западе из первых рук и, соответственно анализировать ее. Проблема единого командования, отсутствие скоординированности в планировании стратегических операций, развитие военной техники и военной мысли, участие огромных народных масс в военных действиях и особенности национальной психологии воюющих сторон, возможные условия будущих мирных переговоров – эти и подобные темы нашли свое отражение в записках Палицына.

Палицын писал:

«Вся 3-х летняя война дала нам яркие доказательства не только импотенции военной мысли, сколько импотенции в исполнении. По-крайней мере у нас все являлось сложным, трудным до невозможности, кроме одного – отдачи приказа об атаке, когда без всякой надежды на успех гибли и калечились сотни тысяч».

Возможность революции в других странах – участниках войны генералом не отвергалась, но и в эти выкладки были внесены коррективы:

«В начале войны, в 1914 г., я высказал мысль, что Германия будет побеждена, когда это захочет народ, т. е. когда он восстанет против власти. Теперь, после 4½ месяцев со дня революции и на основании всего пережитого я думаю, что германский народ никогда не восстанет, а после нашей революции тем более... Победа Германии – улучшение положения рабочего, а вместе с тем улучшение социального положения трудящихся классов. И это немцы сознают ясно».

«Русский человек иного склада и души, и дисциплину нужно достигать иными путями. Строгостью, но справедливостью... Немец храбр, в общем послушен, но наш, в единицах и в массах, храбрее, самоотверженнее и до сих пор был послушнее. Перед нами факты, что он может исполнить то, чего современный культурный человек, в массе, не может исполнить, но мы этой особенностью как-то не пользуемся».

Как и многие военные, Палицын должен был определить и свое место во взбаламученной революционным вихрем стране, и он находит для себя нужные слова и записывает их в дневник:

«Мое отношение к Временному правительству ясно... Я присягал ему и буду служить ему верой... Не по присяге только, а по любви и по осознанию пользы Отечеству. ...Обратиться в крайнего я не могу, но желать, чтобы Россия жила в свободе и порядке, желаю, и буду способствовать, сколько хватит сил».

Однако столкновение с революционной действительностью в Петрограде поставило крест на возможности непосредственного служения стране, вернувшись в Россию. Приехав на несколько дней в Петроград, Палицын на месте в этом убедился.

«Все мои проекты обосноваться в России, вне Петрограда, рухнули, и я пришел к выводу, что лучше всего переждать год или 1½ во Франции, где, кроме того, могу работать, помогая Павлу Игнатьеву по разведочной части».

Приняв в начале 1917 года участие в проверке работы Русской миссии в Межсоюзническом комитете, Палицын планировал заняться военной разведкой, но заключение Брестского мира заставило отказаться его от этих планов¹⁸.

Но больше всего Палицына занимали вопросы, связанные с необратимыми революционными изменениями в России.

«События в нашем отечестве таковы, что вера в будущее его начинает колебаться. К внутреннему разладу прибавляется внешний. Украина, Кавказ, Бессарабия и Финляндия отделяются... Кто захочет, тот и провозгласит свою самостоятельность, благо петроградские правители, в лице Ленина и присланных, приглашают всех к такому отделению. Сплошной сумасшедший дом. Вместо великого еще в недавнем государстве, в несколько месяцев могучее государство обратилось в ничто, и не от внешнего врага, а деяний умов и рук собственных сынов».

Он продолжает размышлять над причинами революционного взрыва и приходит к самым неутешительным выводам.

«Да, прежний режим и война подготовили события. Законодательные собрания (Дума в особенности) подготавливали переворот, ослабляя власть, старую, безличную и неумелую. Война, вызвав большое напряжение, глупо и нехозяйственно веденная в экономической ее части, ослабили народ материально и духовно. Генеральный штаб, того не подозревая, приготавливал бойцов революции, и когда роспуск Думы вызвал накопившееся негодование и злобу, когда царь капитулировал вместе с его заместителем, взамен этой власти наверху оказался быстро сформированный Совет в Петрограде, и обалдевшее и мечущееся самозванное правительство из Думы, с места выпустившее все нити...

Не владея военной силой, она не владела телеграфом и страной, ибо все, что было губернских установлений: губернаторов, исправников, станowych, урядников, полицию – она все это уничтожила, поставила что-то новое, вроде комиссаров и милиции. Образовалась одна общая административная трясина.

А Совет, рядом с Временным правительством, принялся за армию и блистательно провел свое разрушение, а с этим вместе разрушили и Россию».

Особенное неприятие и полное разочарование в бывших союзниках вызывает у Ф.Ф. Палицына Брестский мир и все, что с ним оказалось связано. И тут автор видит не только вину Германии, но и попустительство со стороны Англии, Франции и Соединенных Штатов. Но к большевикам и Германии претензии особые.

«Гнусную роль взяла на себя Германия. С каким, однако, презрением она должна смотреть на тех, которые с ними так пошло и быстро переговариваются.

... Переговоры похожи на игру кошки с мышкой.

Но в лице делегатов, представляющих собой 180 млн. большое государство, если смотреть на это серьезно, по-видимому, сосредоточилась вся умственная и нравственная слабость этого государства.

Они прибыли по приказу, чтобы во что бы то ни стало вести переговоры для заключения мира, ибо мир нужен для упрочения власти Ленина и прочих, но не для России».

Он вспоминает свои молодые годы, когда в его окружении были те, кто позднее ушел в революцию, и поражается, как после революции изменилось отношение союзников к его стране. Оказывается, «извне Россия была окружена врагами, с ней считались, как с большой

¹⁸ В.А.Авдеев. В.Н.Карпов. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 гг... – М.: Вече. 2009. С.267

военной силой, но не любили и не верили, ибо не знали ее. Знать слабости не значит знать народа, а о России знали, что она безличная, ленивая, неряшливая, пьяная и в делах не всегда чистая».

Как мало изменилось за прошедшие сто лет!

Германии Брестский мир был выгоден хотя бы потому, что выход России из войны автоматически укреплял позицию Германии на Западном фронте. И с той же рациональной точки зрения – такой мир должен быть невыгоден союзникам. Только сильная Россия могла оттянуть германскую армию от Запада.

Но вопреки всем доводам разума страны Антанты равнодушно взирали на унижение России. Ослабление России было им так же на руку, как и немцам. Интересы, как уже много раз было в истории, опять совпали.

11 ноября 1918 года в Компьене Германия и представители союзного командования подписывают соглашение о перемирии. Мировая война окончена, и теперь на повестку дня встают вопросы мирного урегулирования. На первое место выходит со своими мирными предложениями президент США В. Вильсон.

Летом 1918 года Ф.Ф. Палицын записывает в дневник слова, которые звучат поразительно современно:

«Очень возвышенна и даже благородна эта декларация. А разве наши формулы: ни аннексии, ни контрибуции, и пусть каждый народ сам определяется и решает, что с собой делать, отделяться или присоединяться – не хороши и не чувствительны? И Брест-Литовский договор, который должен был осуществить эти начала, – не прелесть ли? На самом же деле вышло одно предательство и насилие...

Не знаю, почему Вильсон может воплотить в себе все страдания и все вожеления народов, столь различных по их существованию и природе... И почему он все это может дать, он, временный руководитель сложной американской жизни. По какому праву он и американский народ намечают будущее устройство и внутреннюю жизнь всего мира. Он, который почти три года смотрел бесстрастно, как потоками лилась человеческая кровь и гибло европейское достояние. Не ясно это мне, не ясны побуждения».

А в России разворачивается гражданская война, страну при самом ближайшем участии союзников рвут на части.

У Палицына, да и у многих представителей русской эмиграции, возможности выбора союзников в борьбе за свою Россию нет. Но и не реагировать на враждебное отношение к России он не может:

«Иначе говоря, Франция, т. е. государственные ее люди, для России нечего не сделают и, предоставив ее дела естественному ходу, будут исключительно заботиться о себе. Претендовать на это нельзя, но я думаю, что идя рука об руку по этому пути дело шло бы успешнее. Нет никаких оснований думать, что Англия и Америка пойдут по иному пути, т. е. забудут себя и будут думать о нас. Им самим не ясно, что такое Россия, что ей нужно. Современный порядок считается как порядок для России желанный, создавшийся по желанию народа. И зачем они будут вмешиваться во внутренние наши дела? Царское иго свергнуто, теперь в России желанная свобода, пусть русские ею наслаждаются. Мы же займемся там настолько, насколько это соответствует нашим интересам».

Немало горьких страниц занимает рассказ автора о его тщетных попытках повлиять на бывших союзников России, умерить их вполне корыстный интервенционистский настрой, вызвать сочувствие к положению внутри страны, к оказавшимся на чужбине военным. Но судьба империи не волнует западные страны, они не понимают или не хотят понимать происходящее. Они готовы поддержать любой сепаратизм и даже объединение империи под эгидой мусульманской политики.

С одной стороны, неприятие методов революционного террора, с другой – понимание того, что Россия вообще может потерять свою государственность, – приводят Палицына к горькому конформизму.

«...Не нам здесь проводить по отношению России монархические начала. Если Россия их провозгласит, мы подчинимся этому, как подчинимся, если она скажет – быть Республике. И я буду честно служить последней, лишь бы она привела страну к порядку и к жизни...

Если бы меня привлекли в конгресс мира с правом голоса – я не пошел бы и отказался бы от этого, ибо считаю это ... воровским ... поступком.... Поступят ли так мои соотечественники, не знаю. Судя по тому, что делается, думаю, что они пойдут с чем-то соглашаться, что-то будут защищать и будут себя утешать, что исполнили свой патриотический долг. А я скажу, что они поступят как воры... в Смутное время... Ибо без полномочия от России никто от имени России с чужими не может ... решать судьбы России».

В ниже приведенном отрывке Ф.Ф. Палицын четко обозначил свою позицию и свое отношение ко всему, что происходило в России в 1914–1920 гг.

«Я задолго видел последствия, которые должны были развиваться из настоящего и прошлого, писал о них, записывал, убеждал, когда этому никто не верил... Изучая людей и жизнь и работая всегда для дела, я поневоле приобрел ту способность бесстрастной оценки людей и событий, крупных и мелких, которые для жизни мне казались необходимыми. Я одинаково мог окунуться в высший бюрократический мир и в мужицкую среду, с которой жил близко, чтобы познакомиться с их мышлениями, обычаями и мировоззрениями. Случайно все члены Царской семьи ныне налицо росли на моих глазах, и все проходило перед моими глазами с их особенностями и свойствами... Для меня это все люди, а не полуфантастические лица, о которых рассказывают в обществе и пишут в газетах небылицы. И мне все кажется, что особый ход моей жизни дал мне многое, чтобы правильно распознать жизнь, ее течения. Я любил и люблю людей. Я никогда не сужу их строго. Я знаю, что мы полны слабостей, но у всякого есть свои достоинства, и обязанность тех, кто должен жить с ними и управлять ими, пользоваться для блага дела последними и не давать ходу первым...»

Страницы «Записок» отражают не только непосредственную реакцию современника и участника грандиозных по своему масштабу событий. Благодаря их автору перед нами открываются разные миры, противоборствующие силы, участвующие в военных и политических действиях. Его специальные познания позволяют увидеть и оценить то, о чем редко говорят как о факторе побед или поражений в войне: о снабжении, о тыле, о дорогах, госпиталях, беженцах и просто мирном населении, которое оказалось в зоне боевых действий. Именно эта часть обустройства русской армии оказалась самой уязвимой.

С таким же знанием дела Палицын анализирует изъяны управляющего аппарата. Все вместе, по мнению автора, привело к разложению армии и гибели страны.

В силу своей должности Палицын оказался вовлеченным и в дела союзников, европейскую и международную политику.

Множество государственных и военных деятелей других стран попали в орбиту его внимания. Ллойд Джордж, Вудро Вильсон, Клемансо, Гинденбург и многие другие. У всех свои интересы в круговороте всеобщего хаоса. Мелькают люди разного социального статуса, появляются и исчезают различные организации: во всем неопределенность, мир меняется на глазах.

Америка в лице своего президента Вильсона выходит на сцену, диктует утомленной Европе свои предложения по устройству нового миропорядка.

И во всей этой сумятице русский генерал озабочен будущим России. Мысль о ее благе – главное содержание его записок.

* * *

Текст «Записок» публикуется по рукописи, находящейся на хранении в Архиве Гувевского института войны, революции и мира Стэнфордского университета под инвентарным номером «Title 17, U.S. Code».

При подготовке к изданию соответствующая часть рукописи и ранее опубликованного текста в журнале «Военный сборник» были сверены и разночтения внесены в публикуемый текст.

Как следует из текстологического анализа рукописи, автор только приступил к работе по редактированию текста своих «Записок», относящихся к пребыванию во Франции в 1916–1921 гг. Поэтому при подготовке к изданию текст был сокращен, из него были изъяты авторские повторы. Частично были сокращены многословные описания мирных инициатив воюющих сторон в 1917–1918 гг., а также повторяющиеся характеристики лиц из состава советского руководства.

Текст воспроизводится с изъятиями и правками в соответствии нормами русской орфографии и пунктуации. Стилистические особенности манеры автора «Записок» сохранены.

Оставлены без изменений характерные для эпохи и стиля автора особенности написания топонимов, названий городов и населенных пунктов, наименования государственных учреждений Российской империи и Советской России, обозначения времени, сохранены некоторые архаичные нормы речи. Используемые автором отдельные иностранные слова переведены и даны в пристраничных примечаниях. Текст газетных вырезок и иных авторских вставок, включенных в основной корпус памятника, переведены полностью и включены в общий текст без примечаний. Топонимы и наименования географических названий приводятся в соответствии с транскрипцией 1914–1918 гг.

При публикации составители постарались сохранить авторскую разбивку на абзацы, но в ряде случаев руководствовались смыслом и современными нормами оформления текста.

Авторские подчеркивания воспроизводятся в тексте без оговаривания. Общепринятые сокращения слов, обозначающих титулы, чины, рода войск и т. п. в тексте раскрыты. К номерам воинских частей и соединений добавлялось через дефис окончание, чтобы они отличались от чисел. Пропуски букв, явные опiski исправлены также без оговорок. Пропущенные слова и предлоги воспроизводятся в квадратных скобках. Слова, прочитанные предположительно, также даются в квадратных скобках. В тех случаях, когда авторский текст не поддавался расшифровке, в пристраничных комментариях указывалось в скобках – [неразб.].

Даты в соответствии с общепринятыми правилами (до 1 февраля 1918) приводятся по старому стилю, в необходимых случаях рядом с круглыми скобками проставлена дата по новому стилю.

Тематические примечания даны в конце каждого тома. Примечания составлены на основании архивных документов, печатных справочных изданий, воспоминаний современников и сетевых справочников. В состав комментариев включены биографические сведения о лицах, упоминаемых автором в тексте, с акцентом на их деятельность в годы Первой мировой войны. Однако не все персональные справки равнозначны по информационной наполненности. Ряд фамилий, по большей части – иностранных, были написаны автором в соответствии с правилами старой орфографии и особенностями произношения иностранных слов на русском языке.

В случае, если автор регулярно использовал при упоминании того или иного человека сокращение его инициалов или титул, то эти особенности указаны в именных примечаниях. Лица, сведения о которых не обнаружены, а также лица с предполагаемым прочтением фамилий в примечания не включались, а упомянуты только в сводном именном указателе.

Издание снабжено именным указателем. При подготовке указателя и комментариев была использована справочная литература, а также ряд интернет-ресурсов, в том числе: www.dommuseum.ru; www.grwar.ru/persons; www.maxknow.ru; www.greatwar.co.uk; www.hrono.ru; www.militera.lib.ru; www.regiment.ru; www.geni.com; www.elan-kazak.ru.

Текст рукописи к печати подготовлен С.М. Артюховым, А.А. Литвиным и В.Л. Юшко.

Перевод с французского языка осуществлен Д.А. Белановским.

Составители выражают особую благодарность В.А. Авдееву, А.И. Барковец, И.Н. Засыпкиной, Е.Л. Киселевой, Е.Е. Колосковой, Л.В. Крячковой, А.В. Махалину, С.Г. Нелиповичу, И.К. Оганджян, Е.А. Полуэктовой, А.Н. Сидоровой, М.В. Сидоровой, М.Р. Хайрулину, В.М. Шабанову за помощь в подготовке текста и примечаний.

Записки генерала Ф. Палицына (1914–1921)

Записывая для памяти то немного, что проходит перед моими глазами, я записываю не для обличения, а чтобы найти причины. Борьба и война выносят на поверхность жизни все хорошее и дурное, что кроется в народе и в государстве как организации общежития.
Ф. Палицын

Северо-Западный фронт С 18-го октября 1914 г. по 12-го декабря 1915 г

18-го октября. 93-й день мобилизации.¹⁹

«На восточно-прусском фронте упорные бои. Настойчивые атаки германцев в районе Бакаларжево спокойно отбиваются нашими войсками. За Вислой – теснимые нами неприятельские арьергарды на фронте Лодзь-Завихваст. В числе другой добычи наши войска захватили парки, тяжелые орудия и аэропланы. В районе Тарлова отступавшие австрийцы 16-го окт. были встречены нашими войсками, переправлявшимися через Вислу южнее Юзефова. Окопавшись под перекрестным огнем, неприятель понес большие потери убитыми и ранеными и до 1000 чел. пленными. В Карпатах австрийцы проявляют деятельность в районе Турка».

Весьма странной редакции эта телеграмма. Как будто ее писало не то лицо, которое писало раньше. В обзоре «Нового Времени» сказано, что немцы отступают на Иржисуха. Австрийцы на Кельцы. Мое тяготение к Ново-Место и далее на Капек с самого начала операции имело бы свои важные последствия. В том же обзоре «Нового Времени» (18-го) говорится о Галицийской группе и упоминается ряд взятых селений: Ильник, Лоснец, Мендза, Броды, Синевудко, Красна, Станиславово, Грабовец, Тисшеначаны. Тщательно отыскивая их, нашел только Броды и Грабовец, но западнее Вислы, к югу от Илфанки.

Возможно, что войска наши, продвинувшись из-за Вислы, оттеснили в эту сторону австрийцев. В официальном донесении говорится о боях у Тарлова с войсками, отошедшими от Вислы против Юзефова. Какие бы то ни были заключения и предположения с имеющимися данными неуместны.

Одно довольно правдоподобно. Наступавшая против нас к Висле неприятельская масса пошла назад. Это очень много. Но если она отойдет, хотя бы потеряв орудия, пленных, кой-какие обозы, то это не то, что нам нужно. Принимая свое решение, великий князь²⁰, без всякого сомнения, имел в виду не то, а уничтожение этих сил. Соответственно этому, надо думать, велась вся операция. Дело в ходу. Исполнение могло запоздать. Противник, предвидя опасность, мог отойти раньше, и сущность задуманной операции могла, таким образом, ускользнуть от нас. Все это возможно, но пока рано приходить к такому заключению. Возможно, что противник остановится и сам начнет действовать наступательно, стремясь сбросить нас в Вислу. И это возможно, по крайней мере в Опатовском районе. В районах к северу теперь на это не похоже. Тем больше оснований для нашей безопасности и для действительной угрозы противника, являлось осуществление мысли о действиях наших от Пилицы на юге при содействии наших армий от Вислы, выше устья Пилицы. Более чем вероятно, что в этом смысле работает

¹⁹ В дальнейшем ссылки Ф. Ф. Палицына на день мобилизации опускаются.

²⁰ Великий князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий.

Рузский^[1] или Иванов^[2] – не знаю, кто там распоряжается. Ошибочнее всего было бы дать себя отвлечь к стороне Сувалок, несмотря на очевидную и всегдашнюю опасность нашим сообщениям с этой стороны.

Нам нужен полный успех, т. е. пленение или уничтожение части германо-австрийской армии, вторгнувшейся в наши пределы. Только такой успех может повлиять на изменение к лучшему нашего тяжелого общего положения. Как его исправить и как достигнуть такое положение, при котором мы в состоянии будем из оборонительного состояния (оборонительной стратегии) перейти к наступательному, об этом можно рассуждать, когда это большое дело будет нами закончено.

Мы с первых дней войны, как дети, думали о наступлении в Познань и Силезию, примерно, как говорили все, на Бреславль. Но мы совершенно не отдавали себе отчета, что для этого надо раньше сделать. Прошло почти три месяца, и общее положение наше не улучшилось. Армия хотя и закалилась, но растрепалась. Офицерский состав уменьшился в угрожающем размере. Вероятно, и конский состав пришел в отчаянный вид. Дороги испортились невообразимо. Левобережная Польша, богатая в начале, – высосана, истощена и разграблена, и зависимость армии от своих трех железнодорожных магистралей дает себя чувствовать все сильнее. Враг в Восточной Пруссии укрепился сильнее на нашей же земле, откуда он может грозить этим сообщениям и притом очень большими силами, если обстоятельства за Рейном в скором времени, как это уже чувствуется, для него сложатся не благоприятно и он перейдет там к обороне. За три месяца мы одерживали успехи, пережили неудачи, и очень чувствительные, но существенного в смысле улучшения нашего положения не сделали. И на юге мы отбиваемся и не знаем, каков будет исход его. А если отобьёмся, то и тогда это событие существенно повлиять на наше положение не может. Австрийцы очистят Галицию, оставят там слабые части (если теперь мы заставим их отойти) и усилят себя со стороны Карпат. Времени для подготовки в Венгрии базы мы им дадим поневоле. Поэтому если не последует разгрома теперь, единственный благоприятный случай может быть упущен. Мы будем топтаться на месте, и у нас не будет возможности сделать что-либо серьезное. А впереди возможность политических осложнений. Турция уже выступила. Но, может быть, ничего другого нельзя было сделать за эти три месяца?

На это я отвечаю прежде всего: *l'art est difficile et la critique aisée*²¹, затем неправильное сосредоточение (развертывание) сил в начале войны, едва ли поправимо в течении кампании. До сих пор нам не удалось улучшить нашего положения. Теперь мы на рубеже: или эта возможность будет, или – к созданию такого положения встретятся новые затруднения. Я никого не виню, никого не обвиняю, но констатирую факт. Мы не подготовились, а разготовились в мирное время для этой борьбы. Наши соображения мирного времени, очень остроумные, может быть, вылились в сосредоточение, которое не отвечало действительности. Оно охватывало частности, но не обнимало собою общего положения и не способствовало достижению конечной цели. Неудачи в Восточной Пруссии сугубо ухудшили это положение. От меня никто не требует, чтобы я сказал, что же следовало сделать? Да и никто и не спрашивал. Но главные мои мысли изложены мною в августе. Они лишь набросаны, не разработаны и касаются лишь одной оперативной части. Было бы очень легко мысленно предполагать, что одними оперативными сообщениями можно было исправить все сделанное у недоделанное в мирное время, а потому этим моим соображениям надо отвести должное, скромное, им место. Теперь мы, так сказать, на переломе событий, когда наша работа, освещенная опытом трех месяцев, может получить иное, благоприятное для нас течение. Армия все дает и все делает, чтобы обеспечить мысли, возможность выполнить ее предназначения. Чем дальше, тем условия борьбы сделаются более серьезным и сложным.

²¹ Творить искусство трудно, а критиковать – легко (фр.).

Пока мы были на правом берегу Вислы, условия и положение были одни; они были проще и легче; теперь они труднее и сложнее. Мы боремся с австрийцами и небольшою частью (полевых) германцев.

Нам придется столкнуться с большою частью германских полевых сил, когда те, под давлением событий на Рейне, в течение известного, по-моему, не очень длительного периода подготовки наших союзников к наступлению, вынуждены будут обороняться. Но находить, что и то и это нехорошо – легко; что же делать, чтобы было хорошо? На это отвечаю, что надо закончить начатую операцию. Ее и ведут и заканчивают, и тогда последует дальнейшее решение. Но как теперь, так и в начале войны надо было обезвредить Австрию и Восточную Пруссию. Это не удалось, а потому теперь следует идти по тому же пути. Из немногого, что узнал, может быть, Верховный главнокомандующий^[3] озабочен этим и теперь. Проявиться оно не может еще, но какие-то признаки, по-моему, имеются. Из-за путей и по многим другим причинам нелегко это будет исполнить, но хорошо то, что есть намеки на это.

Во всяком случае, при успехе на нашем Завислянском фронте, прежде чем думать о наступлении на Бреславль, надо создать себе соответствующее положение рядом сложившихся действий как со стороны Познань-Торна, так, может быть, к стороне Западной Галиции или Карпат. Черновицы заняты довольно сильною частью – почти в роде 2-ой дивизии. Это большой для нас минус.

19-го октября

«На восточно-прусском фронте неприятельский план прорыва в центре нашей укрепленной позиции, у Бакаларжева, терпит неудачу. За пять дней безуспешных для германцев атак они понесли огромные потери. Во многих местах перед нашими окопами накопились груды неприятельских тел, стесняющие даже наш обстрел. На некоторых участках восточно-пруссского фронта наши войска продвигаются вперед. За Вислой нами прочно заняты Гостынин, Ленчица, Лодзь и Островец. В Галиции бои продолжаются. Положение без существенных перемен».

Я думаю, что армия Плеве^[4] в Галиции. Мне сказали, что она к западу от Варшавы и действует вместе с Шейдеманом^[5], южнее Эверт^[6], затем Лечицкий^[7]. В Галиции – Радко^[8] и Брусилов^[9] и формируется Селиванов^[10]. Севернее Варшавы Ренненкампф^[11], а Сиверс^[12] в Сувалках. Как удалось все это исполнить и в короткий срок – непостижимо. Пять армий были в Галиции – Шейдеман на Басте и Нареве, Ренненкампф на Немане, а уж полдня тому назад – они на Висле. Поразительно! Не знаю, представляет ли история пример подобных перебросок столь крупных частей в столь короткий срок. Я знаю от бывшего в Галиции, что первым начал движение из Галиции Эверт, в половине сентября. Теперь 5-ая армия на Висле, 3-ая в Галиции, одна в Сувалковском районе, Ренненкампф как будто, к северу от Варшавы.

Пока мы тесним врага. Он, разбитый, отходит. Ждем ли мы на его сообщения, к югу от Пилицы? Отразит ли Брусилов напор австрийцев? Он, говорят, потерял 40 % своего состава. Это много, но это не беда. Что делает Радко? Повлияет ли отход австрийцев от Вислы на группу у Сана, или, наоборот, они удвоят свои усилия? От Опатова до Ярославля 120 верст, а от Острова целых 150. Если Завислянские враги будут разгромлены, положение Радко и Брусилова будет более обеспеченное. Черновицы заняты австрийцами и там их порядочно. В этом направлении сообщения наши, как будто обнажены от наших войск. Но и с этим можно помириться, если только за Вислой будет разгром.

Но в состоянии ли будут наши войска быстро продвигаться вперед? Позволят ли дороги и снабжения? Не будет побудительных причин, т. е. наступления от Пилицы на SW или SWS, противник [сможет] остановиться, окопаться, задержать нас и затем перейти сам в наступле-

ние. Он ведь разбит к северу от Пилицы²², а к югу от реки он, хотя и тесним, но отступает – это разница. Как наступают наши войска? Ведется ли сознательное управление или они следуют за неприятельскими войсками. Управление, и в особенности армии, переживают при неуспехе и при успехе очень тяжелые периоды. Оно вырывается событиями из рук Командующего армией – нужен большой опыт, большая предусмотрительность и твердость, чтобы удержать вожжи в своих руках. В той же мере управление Главнокомандующего группами. Здесь дело обставлено еще большими затруднениями, чтобы сохранить за собою руководство. Наши привычки, наши порядки мне не чужды; я знаю, как трудно это наладить и сколько трений при нашем общем своеволии и малой склонности к точности возникают и тормозят управление. Не шуточное дело управлять массами на 330–400 верстном пространстве. Но дело идет и должно прийти к развязке. Все-таки на нашей стороне большое преимущество, что одна армия. У противника их две, как кажется, там не все согласно. Дай Бог, чтобы рознь между австрийской и германской армиями пустила бы корни поглубже. В обзоре «Нового Времени» от 19-го сказано, что 1, 2 и 5 полевые корпуса с присоединением к ним резерва и ландверных^[13] и гарнизонов крепостей атакуют нас в течение нескольких дней у Бакаларжева. «Новое Время» иногда помещает данные, которые оказывается потом отвечают действительности. Водар^[14] вчера мне сказал, что по-прежнему все полки германского корпуса, как были, так и остались за Рейном. Кто же прав? Буду 2-й и 5-й корпуса считать под подозрением.

Против нас могут быть: 1-й, 2-й, 5-й, 11-й, 17-й и 20-й и Гвардейский bis = 7 корпусов или 1-й, 11-й, 17-й, 20-й и Гвардейский bis = 5 корпусов.²³

Общая перетасовка наших войск совершилась очень быстро с необыкновенным напряжением сил, меня очень поразила. В смысле техническом совершенно нечто очень грандиозное. С той же технической стороны очень важно для оценки этого события знать, какими проторями²⁴ маневр этот обозначился, т. е. были ли такие протори и размеры их. Остались ли корпуса со своими учреждениями или таковые отстали; что сделалось с армейскими обозами, и какими путями переброшенные армии обеспечены теперь как войсковыми, так и армейскими учреждениями. Это важно и интересно в смысле технического исполнения таких маршей. Если переброшены только войска, а учреждения их, как то: госпитали, кормовые транспорты – еще и теперь плетутся на присоединение к своим, и если армейские обозы остались, а в новых местах заранее не были заготовлены новые, то в дальнейшем войска будут поставлены в очень трудное положение, разбив или оттеснив противника, [не смогут] воспользоваться успехами и использовать их. Но если вся эта переброска совершена без особых потерь, то честь и слава исполнителям. Этот акт займет видное место в ряду оперативных действий наших войсковых управлений и учреждений.

Армии Эверта, Плеве и Лечицкого были в Галиции. Переброшены они были – Эверт к Ивангороду, Лечицкий за верхнюю нашу Вислу, а Плеве не знаю, где он был, но, вероятно, где-то у Сана – перешел к району Варшавы или одновременно или несколько раньше сибиряков^[15]. Переход Шейдемана, по расстоянию и путями, ведущими к Варшаве, затруднений представить не мог. Вопрос весь в Плеве. Следовало ли его переводить из Галиции к Варшаве или следовало его оставить там. Что касается Ренненкампа, то может быть от него взят лишь один, в крайности два корпуса, а в районе Сувалок оставлено около 4–5 корпусов.²⁵

Я буду считать, что у нас 27 нумерных корпусов. Считаю по слухам и думаю, что в состав 2-ого вошла Омская дивизия, 27-ого корпуса – 5-ая дивизия и по одной резервной. 16-й продолжаю считать 3-м дивизионным. Итак, выкинув 13-й и 15-й корпуса, у нас будет 25 корпусов

²² Только относительно. – *Примеч. Ф. Палицына.*

²³ В дальнейшем проскользнуло, что VI герм. корп. к югу от Пилицы. – *Примеч. Ф. Палицына.*

²⁴ Издержки, расходы.

²⁵ На самом деле оставлено больше. – *Примеч. Ф. Палицына,*

или 51 дивизия (один корпус – 1 ½ дивизии), а беря во внимание стрелков – 52. Далее Гвардия, Гренадеры^[16] – 4 ½ дивизии, 3 Сибирских = 6 дивизий, 2 Кавказских = 4 дивизии; Туркестанские = 2 дивизии + 4 стрелковые бригады = 16 дивизий. Всего 68 дивизий, из них 2 резервных или 33 корпуса. Выделив 5 на восточный фронт, 7 – на Галицию; на Вислу остается 21 корпус.

Лечицкий – 3 корпуса, Эверт – 4 корпуса, Шейдеман – 4 корпуса, Плеве – 4 корпуса, Ренненкампф – 3 корпуса, всего 18 корпусов.

Остается еще 3 корпуса. Может быть, они в общем резерве или, как у нас говорят, в стратегическом резерве (говорят, в районе Неман-Чаров не 5-й, а 8-ой корпус)? Если у нас имеется такой стратегический резерв, то это указывает лишь на неуверенность, а по отношению к операции – 100 тысяч бездействующих войск. Если Плеве играет эту роль, а каждая из перечисленных армий сделана сильнее, то такая группировка меня совершенно не удовлетворила бы. Однако делать на основании гадательных предположений какие-либо заключения не берусь.

Мне важно выяснить себе, что для общего успеха было бы выгоднее: оставить Плеве в Галиции или перебросить его к Варшаве. Я все время был уверен, что он в Галиции, и только вчера мне сказали, что он где-то около Варшавы. Меня это удивило, и притом с двух точек зрения: технической и по существу. О первой я могу только сказать, что такой переброс, при общей перетасовке, безумно смел и труден.

Может быть, благоразумными распоряжениями все трудности были устранены, и дело это прошло хорошо. Что касается существа, то, чтобы прийти к известному заключению, надо раньше разобраться в общем положении и провести некоторые частные соображения. Общее положение к 2 сентября известно. С этого времени начинается перегруппировка армии. В 20-х числах сентября, ближе к концу – намерение противника обрисовывается довольно ясно. Рассуждая и обсуждая, я могу руководствоваться в своих выводах моим пониманием. Оно было в конце 20-х чисел сентября сформировано так: наибольшая опасность грозит югу, т. е. части фронта примерно к югу от Казимержа на Висле и далее. Я считал, что опасность на юге может быть парализована только на участке средней Вислы. Полагаю, что надо откинуть левое крыло германцев и бить к югу от Пилицы на Родом и далее к югу или к Конску-Астрокову, но непременно при содействии от Пилицы к Радому. Я не решился бы из Галиции убрать армию Плеве, и с нею наше положение мне представлялось далеко не гарантированным. В случае успеха нахождение сильных частей в Галиции только окончательно закрепило бы разгром австрийцев и германцев за Вислой.

Не буду входить в подробный разбор, каким путем армии Плеве и Радко выполнили бы свое назначение. С уходом Плеве это рушилось. С этой точки зрения переход Плеве считаю ошибочным: на севере войск было очень много и 2–3 корпуса можно было выделить из армии Рузского к Варшаве, не трогая Плеве. Откинуть левое герм. крыло было только средство, чтобы подойти к решению. Перевести две армии к нашей верхней Висле из под рек Дунаец и Вислава дело большой трудности, но перебросить три армии, естественно, еще труднее. Во всяком случае, пока совершали марши, цена армиям в течение времени мне неизвестного, но во всяком случае весьма длительного, была равна нулю. Всякое излишнее передвижение войск утомляет и разрушает их учреждения и может быть совершено только в крайности. Как бы ни тяжело было положение армии, в смысле ее тыла, всякое перемещение ее на новое место всегда болезненно. В старом месте люди тыла привыкают к своей деятельности и приспособляются к трудным условиям, и тыловой механизм, привыкнув, начинает работать удовлетворительно. Это особенно важно у нас при неопытном и несовершенном для такой работы людском материале.

20-го октября

«На восточно-прусском фронте наши войска несколько продвинулись вперед в районе Владиславов – Роминтенский лес. Германские атаки в районе Бакаларжево затихли вследствие понесенного неприятелем жестокого урона.

За Вислой наши войска успешно продвигались по всему фронту. Петроков, Опочки, Ожарово заняты нами. Происходили столкновения на путях к Опатову, где неприятельский арьергард был опрокинут нами, причем взято 400 пленных, 6 пулеметов, обоз. На Сане у Лезахова один из наших пехотных полков достиг неприятельских траншей, ворвался в них и, пользуясь возникшей у австрийцев паникой, овладел штурмом расположенным вблизи временным фортом; при этом нами взято в плен 5 офицеров, 500 нижних чинов и захвачены пулеметы. Колонна противника, спустившаяся с Карпат и укрепившаяся у Надворной, атакована и отброшена нами».

Хотя в телеграмме о занятии Опатова ничего не говорится, но сказано, что происходят столкновения на путях к нему, где опрокинут неприятельский арьергард. По смыслу этому Опатов занят, а это не без значения. Раньше сказано о занятии Ожарова, надо думать, со стороны Апопоня. Следовательно, на путях к Опатову – следует отнести или в направлении Ожарово-Опатов или Завихвост-Опатово. Если последнее, то отход от Завихвоста и, естественно, от Сандомира австрийских войск имеет непосредственное значение для нашей армии, действующей на Сане.

Но в телеграмме это не ясно и надо обождать вечерней телеграммы. Операция развивается. Занятие и развитие действий на Опочно благоприятно, но немного запоздалое. Во всей этой операции чувствуется отсутствие нашей многочисленной конницы. Она собрана, по-видимому, на правом нашем фланге. Это было хорошо в начале, но теперь ей место здесь. Она при многочисленности могла бы решить все дело, несмотря на некоторые невыгодные свойства местности. Но это не ее вина, а вина управления. Более чем 12 дней прошло, что мы дали толчок левому крылу германцев за Вислою, в результате общее отступление. Вражеская группа против Ивангорода отошла благополучно. Справимся ли мы иотрежем ли Опатовскую?

Я думаю, что она отойдет не к верхней Висле, а на Пничев-Стонница за Инду, или вернее Индвигу, и там станет. Почти невероятно, чтобы нам удалось их отрезать, хотя бы часть.

Остается одна надежда – теснить их авангардами, а частью сил от Сандомира резать войска на Сане. Таким образом, операция, как мне она представлялась и, как я думаю, она должна была представиться великому князю при ее зародыше – не вполне удалась. Почему – это другой вопрос. Может быть, это было невозможно, а может быть, здесь вина управлений, главнокомандующих или их исполнителей командующих армий... Может быть, причины кроются не в том и не в другом, а в отсутствии административной подготовки.

Если отступят войска у Сана и южнее, то мы будем перед новой обстановкой, которая назревает уже теперь и к разрешению которой надо приготовиться теперь, иначе будет поздно. Великому князю это яснее, чем мне, и, зная его, не сомневаюсь, что голова его этим занята и соответствующие указания уже даны или заготавливаются.

Куда же пойдут эти указания? Да все туда же, к кому они поступали раньше. Иначе себе я представлял и представляю Главнокомандование. С моим мнением мало кто соглашался, и не могу понять почему? Неужели мое понимание войны, ее проявление, способов и приемов руководства, так расходятся с пониманием тех же вопросов большинством и военных и штатских просвещенных людей, что не может быть примирения этих разногласий. Меня это очень смущает. Значит, мой взгляд на этот капитальнейший вопрос ложен. Но себя разубедить в этом никак не могу. Как вопрос личный это совершенно неважно. Если я ошибаюсь – тем лучше для дела, ибо при нем стоят люди, которые смотрят на это иначе, чем я, и Положение об управле-

нии войск в военное время считают соответственно, и великий князь, по-видимому, думает так же. С моей точки зрения, это заблуждение, но моя точка зрения, к счастью, имеет значение только для этой тетради, не более. Но мне все же кажется, что если бы великий князь принял на себя главнокомандование в этой операции и с начала ее переехал бы в Седлец, а 7 или 8-го в Варшаву, а лучше еще в Грайцы, то операция разыгралась бы иначе.

21-го октября

«На восточно-прусском фронте наши войска отбили атаки немцев на Владиславов и выбили их из восточной опушки Роминтенского леса, а также продвинулись вперед к северу от Райгродского озера.

За Вислой продолжалось беспрепятственное движение наших войск вперед, и только в районе Опатова австрийцы пытались оказать сопротивление значительными силами, но были отброшены. За рекой Опатовкой обнаружена укрепленная австрийская позиция, в Галиции, на левом берегу Сана, наши войска ворвались в селение Низко и завязали в этом районе упорный бой. На остальном фронте без существенных перемен».

22-го октября

Телеграмма 21-го – о положении 20-го.

«На восточно-прусском фронте немцы повсюду перешли к обороне и наши войска на некоторых участках продвинулись вперед, захватив в одном пункте два орудия, прожектор и пленных. За Вислой, в районе к северу-западу от Пилицы наши войска без крупных столкновений продвинулись вперед, заняв Шадек, Ласк и Роспржу. На фронте Радошице-Кельцы противник отходит в направлении на Влоцково и Андреев, юго-восточнее Келец австрийцы пытались оказать более упорное сопротивление, но на большей части фланга отброшены, потеряв три орудия, пять пулеметов и до 1500 пленных.

Они удерживаются еще только на нижнем течении реки Опатовки. На Нижнем Сане наши войска продолжают переправляться на левый берег реки, причем овладели деревней Мальце и частью укрепленной позиции севернее Развозова, захватив здесь 2 орудия и пулеметы. В районе Низко продолжается упорный бой, причем нами захвачены здесь до 250 пленных. На остальном фронте без существенных перемен».

Противник благополучно отходит к себе; только южная группа Опатовская – еще держится и в свое время отойдет. Стоило ли делать сверхчеловеческие усилия по исполнению переброса наших частей только для того, чтобы отеснить противника? Если бы мы его не отеснили, было бы хуже. Значит, отеснить надо было. Но прежде всего и главнее всего врага надо было разбить. Мы его не разбили и не разгромили. Но, может быть, разгромить его нельзя было? Не берусь это утверждать, но думаю, что такая возможность, при превосходстве в силах, хорошей армии, не может быть исключена из программы ведения войны. Маневренные усилия перед сражением были колоссальны. Надо было, чтобы таковыми были бы и результаты. Но их нет: главный враг ушел на свои подготовительные позиции – в порядке; за ним к Кракову отойдут армии от Сана, затихнут усилия на Карпатах.

Усилия и намерения врага не увенчались успехом; с точки зрения моральной он потерпел здоровую неудачу, но с точки зрения общего положения последнее не очень ухудшилось. Ему бороться теперь легче, нам бить его труднее. Вот все эти условия и вызывали во мне страстное желание и признание необходимости воспользоваться представившимся нам выгодным положением, не теснить его, а разгромить то, что было между Пилицей и верхней Вислой. Подобный второй случай у нас навряд ли будет.

Обращаясь к общему положению нашему и оценивая его, я с грустью должен сказать, что, на мой взгляд, успехи, достигнутые войсками, его не улучшили. Сказать, что оно хуже, я не могу, но оно для армии чувствительнее, опять-таки в отношении наших сообщений и подвозов тыловым учреждениям. Оставаться в этом положении нельзя.

Атаковать сейчас нашего противника мы навряд ли будем в состоянии. Немцы основательно высосали Польшу и испортили пути и железные дороги, и много времени потребуется исправить пути и сделать их годными для подвоза, отойти от них мы не можем – следовательно, и операции наши приковали к ним. Но неужели свойства современных больших армий не позволяют и не допускают развитие таких операций, которые могли кончаться не только оттеснением, а разгромом противника. В природе войны ничего не изменилось. Изменились средства, следовательно, изменились только частности, существо же осталось. И я думаю, что на поставленный вопрос надо ответить, что и современные армии не исключают такой полной, добавлю, единственно правильной постановки цели, как уничтожение армии – не всей, но части. Я думаю, что эту цель поставил себе великий князь – но она в полной мере не достигнута, а лишь отчасти. Почему? Будущее это покажет. Удастся ли отрезать Санскую австрийскую группу от Кракова? По ходу дел сомневаюсь, чтобы это могло бы удасться. Она отойдет, ее будут преследовать, но с фронта.

23-го октября

«На восточно-прусском фронте с 21-го октября обнаружен резкий перелом. Противник, перешедший в последние дни почти на всем фронте к обороне, на многих участках начал отступать. Отступление это особенно ясно обозначилось на его правом фланге, на котором он отброшен к Бяле и Лыку, нашими войсками взято Бакаларжево и захвачено большое количество оружия, снаряжения и снарядов. Часть ружей захвачена стоящими в козлах. Взята в плен германская рота.

На левом берегу Вислы немцы продолжают поспешно отходить к границе. Их арьергарды выбиты из Коло и Пржедборжа. Утром 21-го октября австрийцы отброшены за Кельцы. Наши войска вступили в этот город, и нами захвачено здесь до 600 пленных и пулеметы. В тот же день одержан решительный успех над австрийцами на всем фронте от Келец до Сандомира. Австрийцы поспешно отступают. Сандомир, представляющий собой весьма важный пункт, нами взят.

В районе к югу от Кельцов в общем за последнее время нами взято в плен до 200 офицеров и 15000 нижних чинов, а также захвачено несколько десятков орудий и пулеметов. На Сане в ночь на 21 октября австрийцы произвели ряд стремительных, но безуспешных атак, после которых обнаружено частичное их отступление. Наши войска прочно утвердилось в районе Низко-Рудник. На остальном фронте пока без перемен. На Черном море турецкий флот сосредоточен в своей базе, в проливах, уклоняясь, по-видимому, от боя с нашим флотом».

От штаба Кавказской Армии

«Наши войска вторглись в Турцию, опрокинув передовые части турецких войск, с боя взяли: Зивин, Каракилису, Пасинскую, Ахты, Бутан, Корунь-Мысун и Арзап. Турки отступают, неся потери и бросая убитых.

Одна из наших колон внезапно атаковала противника в Ардесте; турки бежали, бросив раненых. Выбив противника из селения Ид, мы захватили много продовольственных запасов. Нами с боя взяты: Аликилисса, Хорасан, Каридербендский проход. Одна из наших казачьих сотен лихо атаковала в конном строю окопы и порубила турецкую пехоту.

Наша колонна, пройдя по трудным горным дорогам в течении 30 часов 80 верст, обрушилась на турок у Мысуна и Диадина, рассеяла значительные силы курдских полков, заняла Диадин, захватила пленных, оружие и боевые припасы.

21-го октября занят Баязет. Турецкие войска, оказавшие сопротивление, рассеяны».

Сообщение Верховного главнокомандующего от 22-го октября дает надежду, что развивающаяся операция приведет к разгрому, если не полному, то хотя бы частичному австрийской армии. Очевидно, были серьезные причины, которые не позволили нам продвинуться от Пилицы на юг двумя днями и даже на 24 часа раньше. Но и достигнутое, в тех условиях, в которых дело возникло, велось и теперь разрешается – иметь в себе все, что характеризует успех. Я лично в начале мечтал о размерах более грандиозных, но и то, что достигнуто и еще может быть достигнуто, велико. Это сделано войсками. Теперь в жизнь должна выступить работа подготовки, работа тыла. Если же работа окажется не на высоте, она умалит войсковую работу. На Кавказе – одна группа вторгнулась в Пассинскую долину к стороне Гасан-Кала, другая в Алашкертскую. Баязет взят. Может быть, это до поры до времени правильно. В свое время она заговорит, если объектом поставлен Эрзерум. Откровенность донесений неуместна, но, может быть, это умышленно. Посмотрим.

24-го октября

«На восточно-пруссском фронте мы продолжаем продвигаться вперед. Немцы отходят по всей линии, удерживаясь лишь на укрепленной ими позиции в районе Вержболово. На левом берегу Вислы продолжается энергичное движение наших войск за отступающим противником. Переправа наших войск через Сан продолжается успешно, австрийцы и здесь начинают отходить. На Черном море без перемен».

По-видимому, отход австрийцев от Сана (австрийцы и здесь) в представлении составителя этой краткой телеграммы, успех. На мой взгляд, вот уже в течение почти месяца смотревшего и смотрящего на еще не окончившую операцию как на средство разгромить врага – было бы лучше, если австрийцы продолжали сидеть на Сане, что дало бы нам возможность действительно разгромить и эту группу, покончив раньше с Опатовской. Вот в этом мое существенное разногласие, как мне кажется, между взглядами деятелей штаба и моими. Они радуются при частном успехе, и я доволен, но в должном использовании частных успехов я стремлюсь к достижению конечного успеха, а таковой, представляется мне, – уничтожение живой силы врага. Отход, скажем, от Ивангородского района, успех, но чтобы извлечь из него должные выгоды, необходимо было отходящие группы немцев и австрийцев не толкать на запад, а задержать; как – это дело искусства военачальников, хотя бы на 24 часа. Общий успех был бы полнее.

Отсутствие подробностей в донесении 23-го октября объясняю местными причинами, вероятно, сегодня или завтра получим полную картину результатов, достигнутых нашими войсками за эти дни. Таким образом, первая большая операция, исходившая от великого князя (успехи Сувалкские – я считаю в ряду больших дел частным успехом), привела к довольно большому, но не вполне положительным результатам. В этой работе с положительной стороны принимали участие и М.В. Алексеев^[17], но не штаб. На него легли и разработки, и исполнения.

Лично для меня это большое удовлетворение, а для России не только душевное утешение, но и великая польза.

Если результаты не те, которые рисовались в моем воображении, то надо иметь в виду, что воображение не имеет пределов, а действительность всегда ограничена. Удар главным образом пришел по австрийцам, и это правильно. Немцы, где могли, получив должное – быстро уклонились. Они ушли бы и от Ривки, но это было бы с их стороны большим предательством,

и они там задержались, чтобы сколько-нибудь помочь своим и австрийцам, боровшимся к югу от Пилицы.

Операция и удар были задуманы и исполнены соответственно и правильно. Многие из моих коллег, говоря об этой операции, на мое заявление, что принимая это решение, великий князь высказал душевное мужество, находили, что ничего другого нельзя было и сделать. Это всегда так бывает. Великие дела и решения, когда они приняты, всегда кажутся посторонним естественными и простыми. Клаузевиц^[18] и Мольтке^[19] часто в своих поучениях повторяли: *Im Kriege ist alles einfach, aber das Einfache ist schwer*²⁶. И это совершенно верно.

По-видимому, успехи над Опатовской группой велики; возможно, что часть этой армии положило оружие. Надеюсь, и Санская австрийская армия, при отходе от Сана потерпит горькую участь быть рассеянной.

25-го октября

«Продолжающиеся свыше трех недель упорные, почти непрерывные бои на Сане и к югу от Перемышля разрешились 23 октября общим отступлением австрийцев. Еще накануне этого дня австрийцы произвели последнее усилие, чтобы отбросить наши войска, переправляющиеся через Сан. До глубокой ночи неприятель на значительном фронте производил атаки, наступая последовательными густыми цепями, но всюду он был отброшен с огромными для него потерями. 23 октября неприятельские колонны потянулись от Сана в направлении к Дуклинским проходам через Карпаты. Южнее Перемышля неприятель также стремится повсюду выйти из боя. На всем его фронте мы энергично преследуем».

Сдвиг главных сил австрийской армии с Сана является завершением победоносного сражения^[20], начатого в конце сентября и имевшего первоначальной целью отражение наступлений австро-германских армий на Варшаву и Ивангород. К началу октября наши войска находились в бою с неприятелем на фронте, тянувшемся почти по прямой линии на 500 верст, от окрестностей Варшавы на Козенице, Перемышль до Черновиц.

До 7-го октября нам удалось добиться решительного успеха над германцами на левом берегу Вислы в районе Варшавы, т. е. на нашем правом фланге всего стратегического фронта. Задача нашего дальнейшего наступления заключалась в том, чтобы бить с севера продолжавшие держаться на Висле и Сане участки неприятельского фронта.

В боях 10–14 октября была сломлена угрожаемая охватом из-за Пилицы австро-германская армия, упорно дравшаяся в районе Козеницы – Ивангород. Она отступила, преследуемая нашими войсками. Между 15 и 20 октября было преодолено сопротивление неприятеля в районе Новая Александрия и Сандомир, 23-го уже главные силы австрийской армии в Галиции были вынуждены к отступлению.

«Расширяя в течение 18 дней наш успех по всему 500-верстному фронту, мы сломили повсюду сопротивление врага, который находится в полном отступлении.

Победой нашей мы обязаны неиссякаемой милости Господа Бога к сверхгеройству наших чудо-богатырей, которыми Россия вправе гордиться. Одержанная победа позволяет нашим войскам перейти к новым задачам, с приступом к которым начнется новый период войны».

Операция почти закончена. Осталось использовать ее; от хода нашего наступления прийти к новому исходному положению. Да, успехам этим Россия обязана своим чудо-богатырям, их отваге, стойкости и сверхчеловеческой выносливости. Но на это дело их двинул великий князь Николай Николаевич своим решением. В тот период, когда оно было принято, я видел большое душевное мужество и величие души. Никто не знает, чем кончится начатое сражение. Но я не согласен с мыслью, высказанной в сообщении и мною подчеркнутой. Сра-

²⁶ На войне все просто, но это простое – трудно.

жение, начатое в конце сентября, могло иметь целью только разгром неприятельской армии. Сдвиг германских сил под Варшавой был лишь средством подойти к этой цели. Это не было первоначальной целью, ибо бои были и южнее Варшавы.

Этой фразой писавший ее как бы умалил значение всей операции. Великое в ней было не отброс от Варшавы, а вся операция во всей ее совокупности. Первый шаг был удачный, блестящий и необходимый, но суть лежала южнее. Немцы отошли, австрийцы, северная группа (Радом-Келецкая) отошли. Опатовская – неизвестно. Под сомнением Санская. Вероятно, отойдет – часть южнее Кракова, другая на Дуклы и южнее. Что было против Брусилова – отойдет на юг. О потерях узнаем после, и тогда яснее будет размер их бедствия и нашей победы.

До некоторой степени о размере судить еще нельзя, в нашем общем положении внесено существенное улучшение. Но, с другой стороны, вследствие ухода немцев и возможности быть усиленным свежими частями, необходимо воспользоваться результатами победы и обратить все силы на германцев. В сообщении штаба об этом говорится.

В состоянии ли мы сделать это скоро?

25-го октября

«На восточно-прусском фронте наши войска успешно наступают в районе: Реминтенская роща, Филиппово, Лык. Выбитый нами 22-го октября из Млавы германский арьергард понес большие потери. За Вислой отступление неприятеля продолжается. 23-го октября германская колонна тянулась через Ченстохово на запад. Небольшие боевые столкновения происходили у посада Варта и на шоссе Андреев-Мехов у Мержава. В Галиции австрийцы покинули при отступлении многих больных холерой в Ярославле, Пржеворске и деревнях близ Сана.

В Черном море наш флот обстрелял порт Зонгулдак и потопил четыре турецких транспорта, из коих три с запасами обмундирования, а четвертый, по-видимому, с войсками».

От штаба Кавказской армии

«Сильная по природе и хорошо укрепленная позиция турок у Кепри-Кея, прикрывающая путь к Эрзеруму, после горячего боя 24-го октября взята нашими войсками. Преследование разбитого противника продолжается».

Северная группа германцев ушла за Варту. Сила ее, мне кажется, не более 4-х корпусов, при 17-м и 11-м корпусах полевых; еще севернее могут быть 2 резервные дивизии и ландверная части.

Радомская группа: 15-й, 6-й (по частным сведениям) гвардейская *bis* и резервный корпус германцев; 1-й и 2-й, может быть, еще один корпус австрийский: всего около 8-ми дивизий отошли за Верх. Пилицу, к стороне Ново Радомск – Ченстохово; австрийцы на Мехов. Опатовская. Вероятно, три корпуса австрийцев. Два отошли за Вислу, один на Стопницу-Корчин.

Санская – считаю ее не менее 6-ти корпусов, но из них 4 ниже Ярославля. Два выше отходят к стороне Ряшева – на Красно и Ясло, и на Санок под прикрытием Опатовской группы.

Южная группа – Карпатская не более 4-х корпусов – на юг. Полагаю, что в стороне Венгрии надо считать еще около 2-х корпусов.

Всего, следовательно, около 18 корпусов по 2 дивизии состава, всего 36 дивизий. Германцев около 10 корпусов. Сверх сего, гарнизон в Кракове, Перемышле, Ченстохове и на этапах. Значит действующих по этому, добавлю, гадательному расчету – против нас действовало, не считая 34 корпусов в Восточной Пруссии – 28, а с Восточной Пруссией – 30–32 корпуса.

Возможно, что размеры эти преувеличены и что на Сана было меньше. За неимением других данных остановимся на них. До 23-го силы эти, несколько пощипанные, отошли, крепче досталось Опатовской группе. Удастся ли последней прикрыть отход Санской группы – опре-

делить отсюда нельзя. Допустим, что удар удастся. Тогда Опатовская отойдет правым и левым берегом Вислы на Краков.

Санская, в свою очередь, чтобы прикрыть отход на правом берегу Вислы Опатовских корпусов, вероятно, остановится. Думаю, что дальше Ряшева, или немного южнее, не отойдут.

Все это для нас опять не благоприятно. Если Радомская и Опатовская группы побиты, то не могу сказать того же про Санскую и даже Карпатскую, но первые две только побиты. Окончательно разбить можно только неотступным преследованием, но способны ли на это наши армии. Размер успеха или победы отсюда определить нельзя, в особенности теперь. Через несколько дней будет виднее, но и тогда по донесениям штаба Верховного главнокомандующего^[21] определить это точно нельзя. По-видимому, непосредственные деятели, да и вновь пожалованные награды указывают, что победа большая. Но мы здесь судим по результатам. Если они таковы, как изложено выше, то результаты не велики. Противник опять отошел, но не разгромлен. Еще осталась надежда на совместное действие армий Лечицкого и Радко. Последний все сделает. Поможет ли ему первый? Брусилову с его потрепанной армией, очень трудно нажать на правый фланг Санской армии, но движение на Хыров может дать себя почувствовать.

Совершенно загадочно положение Перемышля и армии (резервной) Селиванова. Необходимо определить теперь свое положение на левом берегу Вислы. Пока этим не займусь, хотя для штаба Верховного главнокомандующего это обязательно. Скажу о местности: Лодзь-Олькуш по орографическим свойствам та полоса, которая должна быть прочно нашей. Особенно важен район Лодзь-Петроков, а в нем район Лодзи. Для дальнейших наших действий и в особенности теперь то, что на этой линии в наших руках, должно быть сильно укреплено.

Другой район между Кутно и Вислой или между Бзурой и Вислой, на линии, где в центре Осмолин, также должен быть укреплен. На Бзуре, ниже Сихачева, нужен мост и путь на Яблонну, где должны быть переправы. Выше Вышгорода и немного выше впадения Бзуры в Вислу – мост через Вислу и с двойным *tête de pont*²⁷.

Линия Напаньск-Залуски – укреплена, этим естественно не исчерпывается инженерная подготовка, но намечаю лишь то, что мне представляется более важным и вытекающим из изучения всей этой полосы. По-моему, положение отошедших австро-германских войск сложится так: главная группа 3 корпуса – район Калиша; другая 3 корпуса – Крейцбург-Кемпень-Валон.

Радомская – 4 корпуса Крженец-Ченстохов-Жорни.

1-й, 2-й и [?] – корпуса – восточнее Олькуш [пропуск в тексте] Спала, и 1-й корпус – из Опатовской группы у Кракова, – всего 4 корпуса. Из Радомской группы – 2 корпуса – Величко.

Относительно Радомской группы в настоящее время затруднительно что-либо говорить, ибо еще неизвестно, отойдет ли она в этих направлениях.

Итак, на фронте Краков-Калиш – не менее 13-ти корпусов, а в частности за Вартой (Крейцбург-Кемпен) 1 корпус. Сверх сего со стороны Слупцы, германцы выдвинут от Познани второрезервные части, не менее корпуса, и от Торна – левобережной Вислы тоже один корпус. По ходу действий 3 левобережных армии уклонились в юго-западном направлении и раскинулись на линии Петроков – Верхняя Висла. Вернее 3½ армии, а 2, вернее 1½ в северной части. Дальнейшее наступление наших войск приведет к фронтовому столкновению с противником, занявшим заблаговременно укрепленную им позицию; более слабая, по физическому строению местности, пойдет на север. Протяжение фронта около 230 верст – из них по 60 верст на обе южные группы и около 110–120 на северную. Выгоды атаки с нашей стороны лежат на северном участке – южные два участка, в особенности Олькуш, сильны своим горным характером и обеспечением правого фланга Краковым. Неудобства атаки левого фланга Калишского района обусловлены угрозой со стороны Познани.

²⁷ Плацдармом (фр.).

Итак, местные условия в отношении доступности врага облегчают атаки левого фланга врага. Но так как одни местные условия вопроса не решают, то раньше какого-либо решения надо разобраться в общих условиях.

27-го октября

«На восточно-прусском фронте наши войска выбили германцев из сильно укрепленного ими Вержболовского района и продвинулись до Сталупенена. В районе Роминтенская роща и Лыка наши войска продолжали теснить арьергарды противника. На левом берегу Вислы наша конница, вступив в пределы Германии, повредила железную дорогу у станции Лешен, что к северу-западу от Калиша. На путях к Кракову 24 октября мы атаковали австрийские арьергарды на реке Инде, а 25 октября на реке Нидзице. В Галиции наши войска продолжают наступать. В последних боях на Сане взято в плен 125 офицеров и 12 000 нижних чинов, захвачены пулеметы и прочая материальная часть. К югу от Перемышля 24 октября взято свыше 1000 пленных».

Из сопоставления телеграмм 26 октября с предшествующими мне представляется, что главные силы армии Лечицкого застряли между Сандомиром и Стопницею и бои на Ниде и Нидзице велись левофланговыми частями армии Эверта и, может быть, правофланговыми частями армии Лечицкого.

Неясно, к составу, какой армии австрийцев принадлежали части, бывшие несколько дней тому назад в Тарнобжеге. Интересно это с точки зрения вопроса перешли ли части австрийской, Опатовской армии Вислу, или она целиком отступает левыми берегом Вислы к Стопницы-Краков.

Для определения нашего общего положения очень важно установить направление отступления австрийских групп и, понятно, их состояние. Узнать и знать нам каково состояние наших войск и как работают тыловые учреждения – нет никакой возможности.

Их группировка до операции была лишь гадательно известна. Ход операции внес в это большие изменения. Пока эта сторона не выяснится, соображения о будущем будут праздною работою. Довольно ясно одно, операция, в том смысле, как я ее понимал, в конце сентября и начале октября – не вышла. Противник по всей линии, не исключая района к югу от Пилицы, благополучно отступил. Те потери, которые он понес, не решающего характера и даже ничтожны, если только мы не будем вознаграждены в Галиции. Но на это мало похоже. Успех одержан был большой, но результаты самые ординарные и менее существенные, чем в конце августа. Итак, три операции: августовская^[22], не давшая результатов. Победы в Галиции – стерты неудачами в восточной Пруссии; сентябрьская в Сувалкском районе – успех, но без положительных результатов на общее положение. Эта операция и не представляла ничего другого, как отражение врага.

Октябрьская операция, в моих глазах, давала возможность уничтожить часть вражеских сил. Повсюду были успехи, но общий ее результат снова привел к тому, что мы, с большими потерями, оттеснили врага. Выше мною поставлен вопрос: неужели свойства современных боев исключают возможность уничтожения живой силы. На это мною отвечено, что природа войны осталась прежняя и ничего не исключает.

Если в течение 4-х месяцев, в 3-х, а если взять августовские действия в восточной Пруссии, то в четырех операциях мы, действуя победоносно, ни разу не могли достигнуть уничтожения врага, при условии, что война, по ее свойствам, осталась все той же, то не лежат ли причины такого явления в чем-либо другом. Бесспорно, инструмент, которым мы владеем, превосходен. Приходя в контакт с противником, он его бьет и в условиях наиболее трудных, когда он действует на фронт противника.

Высшее военное управление вовремя и в достаточных силах направляет этот инструмент. Это все, что оно может сделать по тому положению, которое законом ему дано.

Значит, не в нем дефект, а в употреблении этого инструмента теми, в чьи руки он вручен. Сущность действий частных начальников сводится к согласованному, сознательному и дружному действию для исполнения поставленной цели. В начале так и идет. Например, в последней операции вначале все сделано было хорошо и последовательно, но затем, когда вступили последствия, когда явились новые, не могущие быть предвидимыми случайности, произошла какая-то заминка. Где, как мной замечено было, расплылось, где задержалось, где пошло слишком скоро – и в результате не те результаты, на которые должен был рассчитывать великий князь Верховный главнокомандующий. Блеск первоначальных успехов как бы заглушил полезность и действительность реальных результатов, в которых вся суть борьбы.

Если так будет продолжаться, то у нас будет много побед и ничтожные результаты для государства.

Вести войну для одной славы нельзя. Государство должно преследовать результаты положительные и ему, выражаясь парадоксально, все равно, будут ли победы или не будут. Ему нужен результат положительный, осязательный и полезный ему.

Повторю еще раньше мною сказанное, война хозяйское дело и должна вестись хозяйственно. Но пройдем мимо этих общих рассуждений. Нам нужно выяснить себе причины. Без фактов, подтверждающих выводы, последние будут умозрительны и предположительного характера. Теперь возможно лишь отметить себе общность известных явлений и сделать, так сказать, предварительный вывод. Одно предположение мною сделано – это работа частных начальников, относя к [их] числу главнокомандующих фронтами и ниже.

Но в деятельности их мы должны отличить две стороны, оперативную и административную. В которой они хромают: в первой или во второй, или в обеих в совокупности? Я не собираюсь строить обвинительный акт ни на кого. Во-первых, нет данных фактических. Для пользы дела необходимо себе отдать отчет в прошлом, дабы не повторять ошибки в будущем. Если война осталась войной, то, следовательно, не исключены результаты, которые могут этой войной быть достигнуты. На первом плане уничтожение живой вражьей силы. Та как мы к этому подойти не можем, надо выяснить себе, почему это происходит.

Две главные причины: человек (ум, воля, знание, умение) и материальная сторона (снабжение и все с ним связанное). Но то и другое, и в особенности последнее, для успешного применения требует организации, и хорошей. Не кроются ли причины нашей работы именно в этом; в несовершенствах организации по отношению человека (начальствования) и в особенности матер. И административной части, могущей при известном минусе тормозить самые яркие проявления ума и сердца первого. Из-за этого человек может попасть в положение самой отчаянной беспомощности. Выше я уже неоднократно касался этой стороны дела, и она мне представляется не организованной и не налаженной.

А потому не удивительно, что громадные усилия этого чудного инструмента – армии – дают результаты, которые, в конце концов, не удовлетворяют ни Верховного главнокомандующего, ни армии, ни государства. Когда очарование и восторги побед улягутся, настает трезвая действительность, которая требует реальных результатов, а они не соответствуют принесенным жертвам.

Мы победили и разбили противников, но перенести действия в его сторону вглубь и диктовать ему нашу волю мы не можем. Я опасаясь, что в этом отношении мы не уйдем далеко вперед, а может быть, вынуждены будем отойти назад, ибо обоим имеем перед собою потрепанными, но все-таки целыми. Наше общее положение является по-прежнему окруженным большими опасностями, не меньшими, если не большими, чем раньше – ибо мы удаляемся от своих источников с громадной армией, с флангами и путями необеспеченными. Наши победы должны нам дать время исправить это. Стратег должен дать своим армиям выгодное исход-

ное положение для действий и притом обеспеченное в отношении своих сообщений. Забвение последнего может, а с разумным и энергичным противником должно привести к очень печальным последствиям, и чем сильнее армия, тем печальнее. Я считаю: 1) наша тыловая служба, в общем и в частности, организована неудовлетворительно и налажена плохо. Не верю в творческую работу Забелина^[23] и в особенности Данилова^[24]; 2) армии выбираются как умеют и наверное проявляют много изобретательности и энергии, чтобы удовлетворить потребности войск, но тыл армии, по положению, невероятно слаб и сфера его, по теоретическим и совершенно неосновательным соображениям, развита слабо.

Эти две причины достаточны, чтобы тормозить всякие начинания армии. Перебросившись на левый берег реки Вислы, мы ушли от своих железных дорог. На левом берегу Вислы у нас Варшаво-Венская, с одноклейной дорогой на Торн, и две ширококолейные дороги к Калишу и к Кракову – следовательно: 3 колеи к Кракову, 3 – к Калишу и одна на Торн. Обобщая, на фронт Калиш-Краков – 4 колеи. Торн-Калиш – 2 колеи. Южный участок лучше обработан, чем северный. Но против Терна у нас Висла и Млавская дорога. Та к что оба направления одинаково обработаны. Но немцы испортили нам пути и железнодорожные сооружения и высосали край очень сильно.

На левом берегу Вислы у нас не менее 16–17 корпусов и снабжение этих частей всем необходимым задача необыкновенно трудная. Все довольствие этой массы покоится на двух железнодорожных мостах через Вислу, с пропускной способностью не выше 80 пар на все. Из этого, дай Бог, чтобы 40 пар поездов могло бы быть уделено на потребности войск, а пар 15 на довольствие. Иначе говоря, для формирования баз на Висле и западнее остается или ничего или очень мало. Дальнейшие операции не обойдутся без осады Познани и Торна, или того и другого одновременно. Осада первого в железнодорожном отношении вопрос чрезвычайно сложный. Но разрешить его надо, так как без железной дороги осаждать крепость нельзя.

* * *

Написал великому князю, но после размышления решил письма не посылать. Предлагать свои советы в образе соображений его высочеству^[25], знакомому с положением, от лица с положением не знакомого и неответственного, по меньшей мере, не умно и, во всяком случае, неуместно. Я очень рад, что этого не сделал и избавил великого князя от труда читать мои измышления. Какого рода соображения я ему приготтил:

1) Необходимость сильного укрепления линии Лодзь-Петроков-Мехов и Кельцы. Такое же усиление линии между Бзурой и Вислою, где Осмолин; укрепить переправу у Вышкова и на Нижней Бзуре, считая, что у Яблоней, на Висле мост построен. Лодзь-Петроков-Мехов-Кельцы промежуточная база.

2) Положение больших сил у Кракова, меньших – севернее и в Карпатах – по моему мнению обозначает желание противника оттянуть нас к югу, и разыграть большое столкновение в Польше и Западной Галиции и отвлечь от Познани и Силезии.

3) На юге нам следует держаться активно-оборонительно.

4) Подготовка к дальнейшему наступлению в Германии должно выразиться: в хозяйственно-административной подготовке, дорожной и инженерной, и в разрешении операции на Познань и между Варшавой и Вислой, дабы обезвредить Восточную и Западную Пруссию к востоку от Вислы.

5) Наступлению к Одеру должно предшествовать набег многочисленной конницы в SW направлении для захвата железнодорожного состава и путей Силезии и южной Познани.

6) Общее направление операции к Одеру, так как равно действующее на Бреславль, не предусматривая вариантов, – или действия к югу на Оппельн, или севернее к стороне Глогау. Будет виднее потом. Действия на Торн не исключаются.

28-го октября

«В Восточной Пруссии бои продолжаются. Наши войска овладели Гольдапом. На млавском направлении наши войска продвигались вперед, причем артиллерийским огнем было остановлено производившееся неприятелем железнодорожное движение к станции Сольдау. За Вислой германцы отошли от Влоплавска к Нешаве и от Конины к Слупцы. На путях к Кракову мы продолжаем теснить австрийские арьергарды. К югу от Перемышля на 25 км взято 1000 пленных и несколько орудий.

24 и 25 октября у нашего Кавказского побережья Черного моря появились неприятельские легкие крейсера. Они выпустили по Потти 120 снарядов не причинившие особенного вреда».

Зачем мы идем в Восточную Пруссию? Полоса эта достаточно разорена, в особенности в северной части, и немцев интересовать не может, кроме того случая, когда они увидят, что им необходимо действовать на Неман. Владение до линии Ангерапа нам до известной степени выгодно. Овладеть же этой линией потребует много войск и больших жертв. Отвлечь к восточно-прусской границе войска из западного района нам выгод никаких не даст. Наступать на Инстербург, без возможности грозить далее – бесполезно. Не думаю, что в этом районе у нас могли бы быть большие силы, а если они имеются, то это ошибочно. Они нужны западнее. Я понял бы операцию против Мазурских озер. Их занятие дало бы нам большие выгоды и большое спокойствие. Но для этого нужны большие осадные средства. Имеем ли мы их? Если германцы перевозят с запада, как говорят и пишут, 500 000, то мы должны главные силы этой массы ожидать от Познани, при содействии к стороне Буга-Нарева.

В творчестве полководца есть периоды, которые должны быть названы трагическими. Они в одинаковой мере тяготят над умом и волей полководца, как после неудачи, так и после успеха. И нельзя сказать, чтобы его положение при неудаче было бы более тяжелое, чем при успехе. В первом случае творческая работа очень определенная, надо изыскать средства, чтобы спасти армию. При наличии некоторых условий эта задача простая.

Творческая работа при успехе гораздо сложнее. Определение свойства и размера успеха очень сложно. Во взбудораженной сфере деятелей и почти всегда, за исключением редких случаев, определяют это преувеличенно. Полководцу нельзя быть увлеченным на этом пути. Та к как победа создает новую обстановку, то необходимо определить себе ее совершенно объективно, в положении высокого напряжения воодушевления как последствия одержанного успеха. Это сложно и трудно!

Измерить напряжение духовных, физических и материальных средств, потраченных на достижение успеха, иногда совершенно невозможно, в особенности высшему управлению масс. Ожидать, когда все будет ясно, нельзя. Потеряется время, главнейшая данная для использования успеха. Наше положение сверх того, представляет сплетенный ряд трудностей и опасностей и ставит мысль верховного направителя в положение действительно трагическое.

Мы разбили врага, но он цел на Вислянском фронте; его положение не определилось в Галиции; неизвестно, куда идут сильные к нему подкрепления; за нами опустошенная местность, с разрушенными путями, а в 100–150 верстах за нами сильная преграда с тремя не вполне обеспеченными и, вероятно, 3–4 совершенно не обеспеченными переправами на протяжении реки в 200 верст, тылом к которой развернулась армия не менее 16 корпусов. За преградой, открытое для нападений с севера пространство в 150 верст, по которому пролегают все наши сообщения, а за ними малодорожная Литва и бездорожное Полесье.

Несмотря на достигнутые успехи, положение нашей армии несколько улучшавшееся по сравнению с тем, что было в сентябре, на территории правого берега реки Вислы, по отношению ее флангов, в особенности правого – не обеспеченное. Достигнутые армией успехи ее ослабили

численно. Быстрое наступление на Запад удлинило сообщения и вызвало напряженную работу тыла. Два железнодорожных мостовых пути недостаточны для питания армии и образования баз, необходимых для дальнейших наступательных операций в короткий срок времени. Вот в этих условиях руководящая мысль должна искать решения дальнейшего. Очевидно: о наступлении на запад, в Познань и Силезию, думать не приходится.

Необходимо утвердить свое положение в лево-бережной Польше и обезопасить себя в правобережной. Это методика. Да методика, но неизбежная, когда надо накормить миллион ртов, столько же ружей и тысячи пулеметов и пушек, не говоря о лошадях. Но ведь преступно не использовать наш успех. Надо преследовать разбитого противника, добить его. Нужно, непременно, нужно добить.

Но кого? Один ушел, другой стоит на заблаговременно укрепленной позиции, третий где-то на юге. Если можете, атакуйте последних, а первого если и догоним, то в таких условиях, когда нам не будет выгодно его атаковать.

Я выше не раз указывал, что армия наша представляет из себя прекрасный инструмент. Прикасаясь к противнику, она бьет его. Но проделав все то, что проделано по сие время, сохранил ли этот инструмент, в материальном отношении, все то, что для успеха нужно? Сомневаюсь.

Но чтобы решить вопрос о возможности атаки противника, остановившегося на позициях примерно на линии Жарки-Олькуш (гадательно), надо знать внутреннее положение противника, надо знать, насколько он обессилен. Это могут решить только те, которые перед врагом. Отсюда я мог бы сказать только одно: захват линии Олькуш-Жарки (примерно) нам очень важен, но важнее захват именно южной части линии, которая притом и сильнейшая. Захватывая эту полосу, мы естественно будем бить австрийцев и часть немцев. По времени мы можем исполнить это до подхода сильных немецких подкреплений. Весь вопрос следовательно сводится к тому, могут ли войска исполнить это по состоянию своих снабжений? Все эти затруднения мною имелись в виду в конце сентября, когда обсуждали Вислянскую операцию. Ее значение было бы громадное, если бы нам удалось отбросить левое германское крыло, отрезать Радомскую и Опатовскую группы от их снабжений.

Почему это не удалось, не знаю, но последствия неудачи оперативного замысла, естественно, дают себя чувствовать повсюду. Если бы она удалась, то и тогда дорога в Познань и Силезию нам не была открыта, и Верховному главнокомандующему, раньше, чем вторгаться в пределы Германии, пришлось бы много поработать, прежде чем армия могла бы приступить к решению окончательной задачи войны.

Незнакомые с нашим делом, а незнакомы с ним почти все, решают эти вопросы очень просто – по своему желанию и как им кажется. Но те, кто несут тяжелую ответственность, – те рассуждают иначе. Я вижу длительную борьбу и на юге, и на севере, и, вероятнее всего, в центре нашего расположения. Последний должен быть силен если не войсками, то в инженерном отношении и линия Лодзь-Мехов, наиболее пригодная для возведения сильной укрепленной линии. Она нам даст некоторую свободу в наших действиях, а в случае успеха, послужит базой для действий против Одера.

29-го октября

«В восточной Пруссии правое крыло неприятеля, упорно сопротивлявшееся в районе Лыка, отеснено к Мазурским озерам. К востоку от Нейденбурга – близ станции Мушакен – наша конница нанесла поражение германскому отряду, прикрывавшему железную дорогу, захватила обоз и взорвала два железнодорожных моста. 26-го октября наша конница вынудила отступить кавалерийскую дивизию противника, поддержанную егерским батальоном к

Калишу. На путях к Кракову мы достигли Мехова. В Галиции наши войска переправляются через Вислоку, занимают Ржешов-Дынов-Лиско».

Проскальзывают сведения об усилении германцами района Ченстохова войсками и боевыми средствами. В создании там сильного флангового положения по отношению путей в Познань и Силезию германцы, по-видимому, усматривают средство удержать нас от перенесения действий в их страну. Мысль не дурна. В этом, совместно действуя с австрийцами, оттягивают наши силы к югу, арену действий переносят в австрийскую Галицию и Силезию, приковывают нас к своей Польше. В этом же, если только это верно, усматриваю, что германцы не бросили мысли активно действовать против наших союзников с главными своими силами.

Но в этом решении, если оно принято, сквозит бесцеремонный эгоизм немцев – желание оберечь свои земли и сделать земли своих союзников ареною борьбы. Послужит ли это к вящему единению их с австрийцами?

Над всем этим будет царить армия Гинденбурга^[26], угрожающая нашему правому флангу и прямому направлению на Варшаву к Висле. Это мои скороспелые предположения, основанные исключительно на газетных сведениях. Та к ли будет на самом деле? Что же делать нам? Пока, я думаю, главная наша задача устроить базу и пути к Висле и от Вислы, промежуточную базу Лодзь-Петроков Кельцы и сгруппировать наши армии. В ближайшие дни, в зависимости от действительности, заканчивать преследование в Галиции и южной Польше.

Положение и состояние наших войск здесь – неясное и неопределенное, и потому высказываться о дальнейшем несвоевременно. Никак не могу уяснить себе назначение группы войск, поступающих из Сувалкской губернии в восточную Пруссию к северу от озер и на озера. Если мы хотим открыть себе проходы в озерах и прочно стать там, чтобы затем, подвигаясь на Запад, выпрямить свое положение, то на первый взгляд это хорошо. Но только на первый взгляд. Мы этим мало что, исправляем, пока не завладеем южной Вислой, а завладеть ею надо, взять Торн, Кульм, Грауденц etc.

Помимо чисто физических трудностей и превосходной оборудованности этого театра, овладев им кроме Кенигсберга, мы, не владея морем, всегда будем в тревоге за наш правый фланг. Если одновременно с наступлением с востока мы будем наступать и с юга, то отвлечем большие силы, что своевременно. Раз наша армия целиком на левом берегу реки Вислы, наши действия, как мне кажется, должны получить свое развитие по левому берегу, в NW направлении.

Стремление к Познани смелее, чем к Торну. Чем больше сравниваю условия борьбы на южном направлении или на северном, тем в большей мере отдаю предпочтение центральному направлению на Бреславль, но с одновременным, а может быть и более ранним, направлением действий на Познань. Направление действий на Краков и на Силезию даст нам длинную, трудную, по обширным лесным пространствам территорию, неудобную для масс, оборечь которую будет чрезвычайно трудно.

И все-таки придется брать Краков, если целью действий будет Германия, а не Австрия. На осаду трех крепостей – Перемышля, Кракова и Познани средств не хватит, а если хватит, я предпочитаю Краков Торну.

30-го октября

«На восточно-прусском фронте наши войска подошли к восточным выходам из района Мазурских озер. В районе Гольдана и Млавы – Сольдау происходили успешные для нас столкновения. На Галицийском театре наше энергичное наступление продолжается».

От Штаба Кавказской армии

«27-го октября на Кепри-Кейской позиции продолжался артиллерийский бой. В некоторых пунктах Черноморского побережья были замечены на море суда неприятельского флота. В течение 28-го октября происходили небольшие стычки в Зачорохском крае, по границе Батумской области.

Позиции у Кепри-Кея мы держим в своих руках. Обходы урок окончились неудачей, неприятель опрокинут, причем одна его обходная колонна рассеяна и нами взяты пленные, боевые запасы. Нами занята вся Алашкертская долина. Занятые территории прочно закреплены за нами. По показаниям пленного турецкого офицера, турецкой армией командует Гасан-Изет-паша^[27] под руководством немцев».

По-видимому, мы хотим устроить заслон перед выходами из Мазурских озер, и охранять их на флангах группами более сильных войск. Кому подобная мысль могла прийти в голову? Это совсем особый вид военного творчества, который может иметь весьма печальные последствия. Мне все-таки хочется верить, что движение в Восточную Пруссию вызвано другими, более разумными причинами.

31-го октября

«29-го октября бои развивались в восточной Пруссии на фронте Оталупенен-Круглянке и в районе Сольдау. Нами занят Иоганисбург. За Вислой небольшие боевые столкновения происходили на пространстве между Калишем и Нешавой, где передовые части неприятеля стремились продвинуться вперед. В Карпатах австрийские арьергарды, удерживающиеся на переправах через верхний Сан, в районе Санок атакованы нашими войсками. Блокада Перемышля, прерванная нами в период наступления австро-германских армий, восстановлена».

Штаб Кавказской армии

«Атаки турок на Кепри-Кейской позиции в течение 29-го октября были отражены с большими для неприятеля потерями. Обходная против нашего левого фланга колонна турок, попав под перекрестный огонь артиллерии и будучи стремительно атакована нашей пехотой в полном беспорядке бросилась в горы, преследуемая нашей конницей. Турки под прикрытием позиции у Деве-Бойну, продолжают стягивать свои войска к Эрзеруму и, по-видимому, получают подкрепления через Трапезунд. 27-го октября турки были атакованы и разбиты у Хане-Сурского перевала, на пути из Азербайджана к Вану; побросав своих убитых и раненых, турки поспешно отступили в полном беспорядке».

По газетным сведениям, исправления железнодорожного пути Варшаво-Венской дороги как будто идут успешно, Петроков-Зегрж и к стороне Александрова восстановлены, как будто к 27-го октября. О Келецкой дороге к Томашкам и Мехову ничего не известно. Не известно также положение пути Омета-Сувалки-Августово. Вероятно, здесь путь и движение восстановлены.

Очень бы хотелось проникнуть в смысл операции к стороне восточной Пруссии из Сувалкской губернии, но никак не могу. Есть какая-то связь с операцией на Сольдау, занятием Иоганисбурга. Силы, оперирующие там, тоже не известны. Силы на главном театре, т. е. на левом берегу Вислы, по-видимому еще не готовы для операции, и это движение к озерам, к северу от них и к югу в общей обстановке представляется мне каким-то диссонансом.

Но вероятно это имеет какой-то смысл, но какой? Журналисты говорят о каком-то общем наступлении. Может быть, им и книги в руки, но я его не вижу. А если бы оно было, то тем

сильнее мне – эта операция представлялась бы еще более неуместной, а потому и несоответственной. Поэтому операция меня очень тревожит.

1-го ноября

«В Восточной Пруссии продолжаются бои в районе Сталупенена и за проходы через восточную цепь Мазурских озер. Бой в районе Сольдау продолжается. На Торнском направлении обозначилось наступление германцев по обоим берегам Вислы и Рышин-Влоплавск и западнее, причем выяснилось, что неприятель подтянул сюда часть войск из Лыка. В районе Ченстохова германцы постепенно стягиваются к границе. В Галиции наше наступление к Дунайцу не встретило сопротивления. При занятии нами Кросно нанесен сильный урон австрийскому арьергарду. В районе Сошок и Турка, где мы с утра 29-го октября овладели ночным штурмом сильно укрепленной позицией неприятеля, австрийцы перешли в отступление. В Карпатах, на пути из Надворной к Мармарош-Сигету, у Пасечна, нанесено поражение неприятельским соколам. На Черном море, у Сулина 30-го октября были обнаружены турецкие миноносцы».

Явствует, что мы поставили себе целью овладеть Мазурскими проходами. Боями у Сольдау отвлекаем силы, которые могли бы усилить немецкие войска в районе Мазурских озер. Помоги нашим Господь.

То же могло быть поставлено целью в первые дни войны, вместо плохо задуманного и еще хуже исполненного вторжения в восточную Пруссию. Я был против такого вторжения. Я считал, что вторжение в эту область с востока, без занятия нами проходов противоречит здравому смыслу, занятие же проходов тормозилось отсутствием должных осадных средств. Я надеялся, что южные проходы будут взяты с запада, а Лётцен замкнут с обеих сторон. Ничего подобного из совершенно несогласованной и дурно веденной операции 2-й армии – сделано не было.

С тех пор прошло 2½ месяца, и вот теперь в донесении Верховного главнокомандующего сказано, что бои ведутся за проходы через восточную цепь Мазурских озер. Нужно ли это? Нужно. Своевременно ли такое действие? Лучше теперь, чем позже, если операции будут ведены толково и с достаточными средствами. Операция на Мазурских озерах и у Сольдау, вероятно ускорят развитие наших действий на фронте Познань-Торн и ослабят операции на юге.

Усилили мы в инженерном отношении фронт Лодзь-Петроков? Он получает при развитии наших действий в сказанном направлении особо важное значение.

Штаб Кавказской армии

«30-го октября бои в районе Кеприкейских позиций продолжаются. В Зачорохском крае, Баязетской и Алашкертской долинах и на Черноморском побережье боевых столкновений не было».

2-го ноября

«В восточной Пруссии мы продолжаем продвигаться вперед. Близ Сольдау в бою взято пять германских гаубиц, 31-го ноября мы принудили немцев отойти от Рыпина.

Между Вислой и Вартой происходили столкновения передовых частей. На Краковском направлении наши войска переправляются через Шреняву. В Галиции нами занят Тарнов».

Штаб Кавказской армии

«30-го октября к югу от Каракилисы Алашкертской появились многочисленные отряды курдской конницы, встреченной нашей кавалерией. Курды не выдержали натиска и были опрокинуты.

31-го октября. Значительных перемен не произошло».

3-го ноября

«В восточной Пруссии на фронте Сталупенен-Поссесерн (близ Ангенбурга) и у Иоганисбурга наши войска с боем продвигаются вперед. В районе Сольдау-Нейденбург происходят бои, причем мы на этом участке продвинулись вперед, несмотря на упорное сопротивление противника. На левом берегу Вислы сражение постепенно развивается на фронте Плоцк – р. Варта. На участке Калиш-Велин противник отходит. В окрестностях Ченстохова и к югу от него неприятель неудачно пытался перейти в наступление. Наше движение на Краков продолжается.

В Галиции австрийцы пытаются организовать оборону на реке Дунайцы, в районе к западу от Жабно-Тарнов, и на Вислоке в районе Ясло; на южном участке галицийского фронта наши войска продвигаются к перевалам через Карпаты».

Штаб Кавказской армии

«После боев в районе Кепри-Кей наши передовые отряды окончательно выяснили группировку главных сил противника, в виду же значительных подкреплений, подошедших к туркам за последние дни со стороны Хнысс-Кала, Эрзерума и Трапезонда, с боем отходят в указанные им районы. Попытки турок завладеть захваченным у них Хане-сурским перевалом окончились неудачей. В остальных отрядах значительных боевых столкновений не было».

Знакомый оборот телеграммы. Держаться не можем, и вчера, 2-го ноября отступили. Я все рассчитывал, что за эти дни Алашкертские войска, через занятый нами Кара-Дербент подадут руку Кеприкейским^[28]. Времени было мало, да и войска немного. С Ольтанского направления тоже ничего не вышло. Все-таки рассчитывал, что удержимся дольше. Не хорошо, в особенности с турками. Держаться на Соганлуге будет еще труднее. Кто на месте управляет нашими действиями?

4-го ноября

«После окончившихся нашей победой октябрьских боев на путях от Варшавы и Ивангорода противник стал отходить к своей границе, разрушая за собой самым основательным образом все дороги, как железные, так и шоссейные. На железных дорогах неприятель взрывал и сжигал станционные здания и сооружения, безусловно уничтожая все водонапорные башни, водокачки и стрелки, от которых почти не осталось следа. На некоторых перегонах сплошь рельсы взрывались через стык и, таким образом, путь мог быть восстановлен лишь посредством укладки всех новых рельсов. Все мосты, водопроводные трубы, виадуки и прочее, не исключая самого незначительного по своим размерам, взрывались настолько основательно, что не поддавались никакому исправлению, а должны быть заменены новыми. На шоссейных дорогах оказались разрушенными все мосты, а само полотно, за малыми исключениями, перекопано или взорвано в шахматном порядке, поочередно с правой и левой стороны дороги. Телеграфные столбы вдоль железных и шоссейных дорог сваливались, изоляторы разбивались, а

провокола разрывалась почти на каждом пролете. Эти обстоятельства крайне замедляли наше преследование, почему на левом берегу Вислы противнику удалось выйти из-под наших ударов и отойти в свою территорию. По выполнении сего германцы, пользуясь своими богато развитыми железными дорогами, начали быстро перевозить свои войска к северу, с целью накопления значительных сил против нашего правого фланга. Сосредоточение германцев в новом районе покрывалось сильной кавалерией, отчасти подвезенной с западного германского фронта, отчасти усиленной австрийской конницей.

В первых числах ноября обнаружилось наступление немцев в полосе местности между Вислой и Вартой. Результатом этого наступления^[29] явились те бои, которые ныне развиваются на фронте Плоцк-Ленчица-Унейюв.

В восточной Пруссии в районе Сталупенен-Поссесерн противник пытался в некоторых пунктах переходить небольшими отрядами наступление, но потерпев неудачу, отступил. В районе Сольдау-Нейденбург упорные бои продолжаются.

Наше наступление к Кракову, а также на галицийском фронте продолжается. Попытки австрийцев задержаться на путях нашего наступления терпят неудачу.

В происходивших в районе южнее Лиско боях 31-го октября нами взято в плен 10 офицеров и около 1000 нижних чинов».

Общественное мнение никаких объяснений от штаба не ожидает. Первое объяснение было неудачное, когда раскрывался план Верховного главнокомандующего; второе объяснение о наступлении новых задач тоже было неуместно; настоящее третье объяснение, в котором штаб желал объяснить, почему операция не удалась в полном объеме, я считаю тоже неуместным. Оно только подчеркнуло, что отступление немцев началось до 8-го, а перед нами были сильные их арьергарды, вернее, тыловые части, а остальное ушло раньше, а тыловые их части в ночь с 7-го на 8-го октября.

И перед Ивангородом была та же история и, как пишут оттуда, отступление главных сил немцев было сделано раньше; но, по-видимому, его начало нами не было замечено. Сделанные немцами повреждения были столь серьезны, что на протяжении до Равки и немного западнее, их нельзя было сделать очень быстро. Главные силы начали отступать не позже 6-го октября на Варшавском фронте.

Кроме того, силы на этом фронте не были так велики. Прочтя объяснение, невольно обращаешься к тому, что прошло, что было прекрасно задумано великим князем, но было исполнено последующими ступенями начальства более чем посредственно в смысле понимания и обстановки и согласований действий армий.

Штаб Кавказской армии. 4-го ноября

«Передвижение нашего авангарда на Эрзерумском направлении закончено. Это передвижение не было вызвано обстоятельствами боя, а произведены в целях выполнения указанной авангарду задачи. На том же направлении одна наша колонна ударила на турецкую левофланговую часть и опрокинула ее. Другая наша колонна вела успешный бой у Юз-Верана. Замечена деятельность турок в долине Ольты-Чая. Курды, сосредоточенные у Даяра в числе до четырех полков рассеяны нашей конницей. Турецким войскам и скопищам курдов на путях от Каракилисы Алашкертской к Дутаху, нанесено полное поражение за перевалом Клыч-Галук и у Хамуры. Наши передовые части выбили курдов из селений Чабан-Ага-Кересси по южную сторону Танаризского перевала, по дороге из Баязета в Вану. В Азербайджане без перемен.

На черноморском побережье попытки турок наступать по береговой дороге на наши посты у Лимана^[30] окончились полной для них неудачей. Взятые во фланг и в тыл огнем нашей судовой артиллерии, турки понесли здесь большие потери; их резерв был рассеян».

Ольтинским направлением пренебрегать не следовало. Очень бы оно нам пригодилось. Составлено сообщение со свойственным нашим писателям искусством скрывать концы.

Штаб Верховного главнокомандующего от 4-го ноября

«В восточной Пруссии неприятель отходит на фронт Гумбинен-Ангербург, продолжая держаться в проходах через Мазурские озера. На фронте между Вислой и Вартой бои продолжаются, принимая характер большого сражения с значительными силами германцев. В Галиции австрийские арьергарды атакованы нами в районе Щукла и на перевале Ужок».

Штаб Кавказской армии от 4-го ноября

«В течение 3-го ноября происходила перестрелка на границе с Батумской областью. Усилия турок продвинуться вперед на эрзерумском направлении успеха не имели. Партия курдов вступила в перестрелку с нашими саперами в Азербайджане; курды рассеяны. В прочих отрядах без перемен».

5-го ноября

Действия германцев против правого фланга нашего расположения на левом берегу Вислы объясняю себе попыткой приостановить наше дальнейшее наступление южнее Бзуры, на запад. Мне кажется, что немцы не готовы в Познани и в Силезии или, по условиям их борьбы на Западе не могут сосредоточить значительные силы, чтобы наступлением своим оттеснить нас на восток.

Весьма возможно, если наши войска готовы к операциям, воспользуются этим и перейдут в наступление на Велюн-Ченстохов, и держась SW и имея сильную армию уступами за нашим правым флангом. Выбор между этой операцией и той, которая была указана мною раньше на NW; может быть, и станем только на месте. Я лично держался бы более северного направления, имея армию Ружского уступами за правым флангом, ибо не сомневаюсь, что неготовность немцев вызовет переброску их сил от Кракова, к Познани. Но таковым дело представляется мне отсюда. Движение на север, а не на юг, в моих глазах имеет то преимущество, что мы заставим немца сообразоваться с нами, а не мы потянемся за ним, как он того хочет, на юг.

Во всяком случае, нам пора действовать, и это самое главное, даже главные направления действия, ибо каждое из них имеет свои достоинства и недостатки, мне северное направление представляется, как дающее более полные результаты и ближе к конечной цели войны. Когда слушаешь Добророльского²⁸, то становится жутко.

Центральное управление не может удовлетворить требования армий не потому, что нет людей, а нет винтовок, так как число их недостаточно; производительность заводов тоже не может покрыть потерь в винтовках. Не думаю, что заводы наши могли бы дать 45 000 в месяц. Но и эта производительность мала, и усилить ее нельзя, так как чего-то такого у нас нет. Война ведется расточительно людьми, материалом и деньгами. Таков тон войны и свыше на эту расточительность не было наложено властной руки.

Чего стоила нам августовская эскапада в Восточную Пруссию, людьми, винтовками, орудиями и материальной частью. Но сама неудача стоит еще дороже. Полагаю, что неудача в августе затянула нам войну месяца на три. Если это так, то Жилинский^[31], Самсонов^[32] и Реннен-

²⁸ Добророльский Сергей Константинович (1867–1930), генерал-лейтенант, с 09.02.1913 – начальник мобилизационного отдела ГУГШ.

кампф нанесли казне и государству – убытки людьми, вооружениями и материалами и сверх сего, считая месяц в 600 миллионов, – 1 миллиард 800 млн. убытку.

Это не преувеличение – материально кампания эта нанесла России свыше 2-х миллиардов рублей убытку.

Действуя разумно, мы могли бы оттеснить немцев за Вислу; воспользоваться богатыми средствами края и жить в нем даром, взяв еще контрибуцию. В крайности мы могли, испортив основательно все пути, отойти за Нарев и частью в Сувальскую губернию, и в распоряжение Верховного главнокомандующего у Вислы остались бы все корпуса. Весь характер кампании был бы иной, и мы, имея одной армией больше на левом берегу, давно были бы на границе Силезии и Познани, и не с этим числом корпусов, но с гораздо большим. А теперь, потеряв массу людей, пополнить которых из-за отсутствия полного числа винтовок мы не можем, мы обязаны будем топтаться на месте и ожидать, что с нами угодно будет сделать немцам, которые угрожают нам по всем румбам полукруга, среди которого мы находимся.

Одно утешение, что и у немцев дела обстоят не важно. Весь вопрос в том – у кого хуже: у нас или у них.

По всем признакам, немцы ведут дело экономно, не останавливаясь перед грабежом и насилием. Затем немцы, по отзывам всех, даже отступают в порядке, значит, и в остальном у них порядок.

Немцы проявляют большое упорство, но, когда нужно отступать, отступают быстро и неумовимо. Мы гогочем и кричим – бегут. Мы способны упорно стоять, но отступать быстро не можем, ибо не умеем и не можем. Мы отступим, когда сил не будет держаться, но высшее начальство армии, корпусов и дивизий не распорядится вовремя, чтобы все, что закупоривает пути, ушло раньше, а потому, когда мы будем отступать, то будем терпеть катастрофы, и жестокие. Та к было в августе.

6-го ноября

«Между Вислой и Вартой наши передовые части, ведя бои с наступающими германцами, отходят в направлении на Бзуру. Неприятель успел утвердиться в районе Ленчица-Орлов и выдвинул передовые части в Пионтеку.

В Восточной Пруссии наши войска продолжают с боем продвигаться вперед на обороняемый противником фронт Гумбинен-Ангербург. Неприятель оставил во взятых нами окопах у Варлагена свыше 300 убитых. В числе трех офицеров, взятых при этом в плен, оказался один артиллерист, назначенный в пехоту вследствие недостатка там офицеров.

На фронте Мазурских озер наши войска достигли линии проволочных заграждений неприятельской позиции и преодолевают их. На фронте Ченстохов-Краков наши войска атакуют значительные силы неприятеля, причем у Владовице противник обращен в бегство. В Галиции мы постепенно занимаем перевалы через Карпаты. На Черном море наш флот обстрелял казармы и станцию искрового телеграфа в Трапезунде».

Штаб Кавказской армии

«За 4 ноября замечено усиление турецких войск на границе Батумской области, где произошло несколько стычек. В долине Ольты-Чая наша колонна атаковала и опрокинула турок; на Эрзерумском направлении происходили перестрелки, причем наше сторожевое охранение потеснило противника.

2-го ноября нашими войсками с боя взят Дутаг, важный узел путей в долине Евфрата. В остальных отрядах без перемен».

Дополнительное сообщение Морского генерального штаба об обстреле двумя крейсерами Либавы и произведенном там пожаре.

Сообщение штаба Верховного главнокомандующего от 6-го ноября меня очень встревожило. Странно, что мы, при нахождении к югу громадных наших сил, отдали часть довольно серьезной преграды-реки Бзуры и ее долины. Атака Мазурских проходов^[33] на меня производит тяжелое впечатление. Зачем все это делается, не постигаю. Зачем все эти жертвы для дела, которое этого не стоит, что в случае взятия проходов к югу от Лётцена, что мы будем делать с последними. Неужели мы поведем атаку на левобережные высоты Ангерапа – Kirener Höhe. К чему это? Вижу с одной стороны фатальность, с другой стороны упрямство лица, желающего, по-видимому, сберечь наши сообщения. Как будто для этого нет других средств и приемов, в большей мере отвечающих нашему общему положению.

Взять Лётцен открытой силой мы не можем, даже если при армии есть наши осадные средства, в том числе 9-ти [дюймовые] мортиры²⁹. Одиннадцатидюймовые мортиры мы не подвезем и не установим^[34] (2 были подвезены). Ненужное кровопролитие и отвлечение больших сил. Не понимаю, как великий князь мог согласиться на это.

Очевидно, творческая деятельность штабных деятелей не идет дальше парирования действий наших противников. Блестящее решение великого князя в сентябре в исполнении сведено на минимум. Но когда она заканчивалась, у них не было, ни чувства, ни чутья; результаты этой операции дали нам возможность впервые взять в свои руки почин действий.

Вместо того чтобы предупредить противника в северном направлении, на что не потребовалось бы на первых порах больших сил, они организуют большое наступление на Яроцин-Люблинец, продолжая бесцельное продвижение вперед слабых передовых частей. Они не оценили и не рассчитали, что такая большая операция совершенно не соответствует состоянию и положению нашего тыла, что войска ничем не обеспечены, что надо их устроить, пополнить, пути исправить, запасы подвести и всем прочно стать на занятой территории. Теперь немцы опять нами владеют.

Я думаю, немецкая операция на Бзуре будет парализована, ибо в противном случае она грозит нам тяжелыми последствиями. В случае успеха все-таки край между Вартой и Вислой будет разорен, даст средства нашим врагам, лишит нас этих средств.

В условиях, в которых находилась наша армия, возникновение плана наступления в Познань и Силезию трех больших армий весьма знаменательно. Это наступление должно было начаться 1-го ноября, но естественно, насколько я могу оценить обстановку отсюда, из этого наступления ничего не выйдет и выйти не может, ибо она ничем не обеспечена и не подготовлена. Она не своевременна. К ней надо подготовиться рядом операций и мер. Я не протестую против мысли движения, но нахожу, что время не подошло, да и средства не подготовлены. Если мысль, по существу и правильная, будет так вырываться вопреки действительной обстановки, далеко не уйдем.

Теперь пойдут импровизации, форсированные марши и, Бог даст, противник отойдет, а может быть, и застрянет на линии Владцлавск и Слеенских озер, и мы его будем долбить здесь и на Мазурских озерах, подставляя наш левый фланг и тыл ударам от Варты. Удивительное мы создаем себе положение. Немцы с нами играют как кошка с мышкой, а мы сами идем на это, и на это есть причины.

Нельзя войну вести как маневр. Я, однако, надеюсь, что мой приговор слишком преувеличен, но он основан на том, что до сих пор, кроме решения великого князя, исходившего от него и явившегося образцом положительного творчества, мы все время применялись к противнику и наша самостоятельная мысль ничем положительным не выражалась. Великий князь невидимо для него опутан и спутан. Данных настоящих для определения обстановки ему дать

²⁹ Посланы 2 гаубицы 11", но поставлены они были невероятно далеко. – *Примеч. Ф. Палицына.*

не могут и, весьма естественно, что он пребывает в темноте. Здоровой мысли нет, незапутанное представление о событиях отсутствует и правильное, жизненное творчество отсутствует. Есть канцелярия, нет генерального штаба, ни у великого князя, ни у Рузского, выдвинутого для решения столь крупных вопросов.

Я знаю, Алексеев изнывает под тяжестью выпавшей на него доли и забит обстановкой верховного штаба и громадностью дела. Единственный человек, который является представителем мысли, заглушен, задавлен. С моей точки зрения, дело успешно, во всем его объеме, развиваться не может. А рядом с этим наше положение об управлении войск в военное время не жизненное, противоречит природе войны, его составителем и вдохновителем Юрием Никифоровичем^[35], который не может видеть его недостатков – как создатель его.

Я ошибаюсь, но чувствую, что Ренненкамппф, уже сыгравший фатальную роль в начале, еще в большей степени сыграет ее теперь. А великий князь, на свою пагубу, за него держится. Его обольщает его мужество – личное мужество Ренненкамппфа. Я этого не отрицаю, хотя есть люди, которые уверяют, что он не мужествен. Я думаю, что он мужествен, но негодный командующий армии. Негодный по умственным и другим качествам. Для меня он экзамена на командующего армией не выдержал. Он хорош, где его физический глаз видит, и где, благодаря его способностям схватить условия местности, он может распорядиться сам. Он хорошо поведет корпус пехоты, а еще лучше кавалерийский, но не более, и притом в условии, что ему дана, будет известная задача. В связи с другими он будет хуже, а как командующий армией, он, по моему, совершенно не годен, желал бы ошибаться в этом определении. А великий князь им пользуется, уверенный, что он полезен.

Я не имею ни прав, ни способностей вещать о будущем. Но жизнь и мои размышления о жизненных явлениях научили меня судить о будущем по прошлому. А так как вся жизнь создается людьми, их мыслями и проявлением этих мыслей в конкретных фактах и действиях, то я пока хорошего не вижу. Был проблеск, но он затух в житейском море. Проявится ли он снова с большей еще силой – не знаю. Творчество тяжелый труд, он истощает и утомляет человека. Наша борьба задолго до ее начала, затем начало и последующее, вся она озаряется не ровным светом мудрости и неуклонной мудрости, а сильным вспышками зарницы. Светло, когда она вспыхнула, по всему небу, но еще темнее делается до новой вспышки. Народ делает, что может. В его героических усилиях нет сомнения. Дело управления – разумно суммировать и эксплуатировать его, а не расточать. А мы как будто его расточаем, 2-го ноября я писал великому князю, что я спокоен, а со вчерашнего вечера – очень беспокоен.

«Русский Инвалид» взял несоответственный тон, а манера письма Шеманского^[36] какая-то странная.

7-го ноября

«На левом берегу Вислы боевые действия развились за последние дни в двух районах: на фронте между Вислой и Вартой и на линии Ченстохов-Краков. Бои ведутся с большим напряжением и имеют преимущественно встречный характер.

В Восточной Пруссии наши войска атакуют сильно укрепленные позиции. К востоку от Ангербурга перед германскими окопами имеются три ряда проволочных заграждений, водные рвы и вертикальные проволочные сетки. Мы овладели частью позиций в 7 верстах от Ангербурга и проходом между озерами Бувельно и Тиркю, причем в этих боях нами взято 19 орудий, 6 пулеметов, прожектор и несколько сот пленных. В Западной Галиции наше наступление продолжается».

Дальнейшее донесение о встрече нашей эскадры с «Гебенем» опускаю. После 14-минутного боя в дистанции 40 кабельтовых «Гебен» ушел^[37].

Развитие боев между Вартой и Вислой и Краковом и Ченстоховым, нормально, но непонятно, почему мы в северном направлении не предупредили немцев и позволили им перекинуться на правый берег Бзуры. О действиях на правом берегу Вислы молчание, а между тем, по вчерашней телеграмме можно думать, что Плоцк не в наших руках. По вчерашним донесениям наши войска одолевают проволочные заграждения перед проходом между Мазурскими озерами. Сегодня (т. е. сообщение от 6-го ноября) ничего не говорит о дальнейшем – следовательно, не взяты.

Германцы восточнее Ангербурга (по-моему, юго-восточнее) выдвинулись и устроили сильную позицию. Проскользнувшие вчера тревожные слухи (кажется, относятся до Бзуры), по моему, могут быть отнесены к действиям Ренненкампа, о котором сегодня ничего не говорится. Положение на других участках не дает повода думать или вернее предполагать некоторую катастрофичность хода дел. У этого господина это возможно: он не разумен, а если начальник штаба Баиов^[38], тот самый, который был на поездке 1907 года и потом был назначен генералом-квартирмейстером Виленского округа, то это неудивительно.

Баиов кажется умным, такое он на меня произвел впечатление, но самонадеянно-упрямым и самолюбивым. Это я вынес из поездки. Разрешая тогда операцию, он решил ее наперекор всему. Ему было дано понять, что так не делают. Если бы он не был умен, то подобное решение можно было объяснить непониманием, но он умен. Вероятно он начальник штаба у Ренненкампа. Обождем, увидим, что произошло.

Эта Мазурская операция, ведомая большими силами, но вероятно с недостаточными средствами артиллерии и инженерных средств будет нам стоить непомерно дорого. Боязнь великого князя скует волю и разум Сиверса. С упорством и тупостью задуманная, она с этими же качествами будет проведена в жизнь, и если мы возьмем проходы – нам придется брать еще белее сильные высоты (Какинер) левого берега Ангерапа. Но взяв проходы, у нас нет никаких оснований, что мы продвинемся дальше. Если брать, нам надо было брать Лётцен и тогда от легкого нажима падут проходы южнее. А чтобы взять Лётцен, нужны крупные мортиры. Подвезены ли они? На это надо время. Но допустим, что возьмем – дальше что же?

Весьма основательная боязнь за наши сообщения кинула нас на эту операцию, трудную и безнадежную, вместо того чтобы оставить здесь 2–3 корпуса и гарнизоны Ковно-Олита-Гродно удерживать противника на наших озерах и на Немане; а на правом берегу Вислы сосредоточить 7–8 корпусов и ими решительно действовать во внутрь восточной и западной Пруссии. Часть этих сил могла бы, при успехе здесь, быть переброшена на левый берег реки.

Такую операцию, естественно, нельзя поручить Ренненкампу, уже достаточно доказавшему полную свою неспособность управлять действиями армии. Неправильным освещением событий, переоценкою штабными деятелями последствий Висленской операции^[39], оторванностью от всего того, что подготавливает операцию, беспочвенностью в смысле организации высших управлений, по новому положению об управлении войск в военное время, – все это ввело в заблуждение великого князя, который согласился на эту операцию, мало полезную, требующую больших сил и жертв и не связанной общим положением.

Великому князю трудно выбраться из этого положения и очень трудно заметить и ощутить его.

* * *

Вчера отставной генерал Санников^[40] сообщил мне изумительные мытарства с искусственным дымом^[41], длящиеся уже более 2-х, если не 3-х лет. Изобретено его сыном, полковником Санниковым^[42] – георгиевским кавалером, инженером. Сухомлинов^[43] не любит его за статью, из-за которой Санников имел неприятности. Все опыты и несколько раз в присутствии государя императора^[44] увенчались успехом полным, и дело было решено. Дымные шашки надо

готовить, но ходу не давали, производство не установили. Началась война. Из армии стали требовать, дошли до военного совета. Рассмотрено, одобрено, но В.М.³⁰ положил резолюцию: «Не сочувствую этой затее».

Застряло. Недавно стал требовать великий князь Верховный главнокомандующий. Пришлось уступить. Недели 3–4 стали строить заводик. Требуют для Перемышля и Мазурских озер, а их всего около 40 тысяч шашек, что ничтожно. Недурна картинка.

Телеграмма Верховного главнокомандующего от 7-го ноября

«Усилия германцев направлены к тому, чтобы прервать наше расположение между Вислой и Вартой. Наше наступление от 6-го ноября сопровождалось частичными успехами. К северо-западу от Лодзи нами захвачена тяжелая германская батарея, свыше десяти пулеметов, несколько сот пленных. Упорные бои на фронте Ченстохов-Краков развиваются нормально. За 4 и 5 ноября взято в плен до 3 000 австрийцев. В Галиции нами заняты: Виснич, Горлица, Дукла, Ужок».

Не совсем понимаю вступительную фразу сообщения. Проследим сообщения штаба: 31-го октября он сообщал, что в Торнском направлении обозначается наступление на Рыпин-Влацлавск и западнее. Это было обнаружено 30 и 29 октября.

1-го ноября между Вислой и Вартой происходили столкновения передовых частей – это относится к 31 октября.

2-го ноября. На левом берегу Вислы сражение постепенно развивается на фронтах Плоцк-Варта – относится к 1 ноября.

3-го ноября. Штаб сообщает: в первых числах ноября (это неверно), вернее с 30-го октября обнаружилось наступление немцев в полосе между Вартой и Вислой, бои развиваются (это говорится о действиях 2-го ноября).

4-го ноября. На фронте между Вартой и Вислой бои принимают характер большого сражения со значительными силами германцев^[45] – это от 5-го ноября.

5-го ноября. Между Вислой и Вартой наши передовые части (оказывается, что большое сражение 2 и 3 ноября вели передовые части), которые отходят на Бзуру (Ленчица на Бзуре), и неприятель занял Ленчицу – Орлов и выдвинулся к Пиоптеку. Это относится к 4 ноября.

6-го ноября. Боевые действия развелись на фронте между Вислой и Вартой и больше ничего. Это относится к 5 ноября.

Наконец, 7-го ноября – усилия германцев направлены к тому, чтобы прервать наше расположение, а дальше – наше наступление 6-го ноября сопровождается частичными успехами и, как пример, – что к северо-западу от Лодзи взята батарея – это относится к 6 ноября.

Вот что мне представляется: мы деремся на линии Главно-Стыков-Лодзь, вероятно, Ласковицы. Лович, может быть, наш.

Нас атакуют и, вероятно, сильнее от Униева, чем от Кутно. Выгоднее было бы немцам атаковать нас от Кутно, отрезывая от Варшавы, но в случае неуспеха положение атакующих будет очень неудобное.

Положение наше мне не нравится. Мы очень стеснены. Для развертывания частей, находящихся южнее, нужно много времени. Да благоразумнее было бы не стягивать к югу и думать о наступлении в Познань и Силезию – а обеспечить себя наступлением еще в конце 20-х чисел октября – как мною указано выше на N W, а следовательно и на N, и этим наступлением – парировать попытки германцев бить нас в правый фланг и выиграть пространство.

³⁰ В.М. – военный министр В.А.Сухомлинов.

8-го ноября. О положении 6-го ноября

Когда начались бои, не время всевозможным соображениям. Сражения их исходом должны создать положение, которым руководящая мысль должна оценить и воспользоваться.

Сражение, центром которого, по-видимому, район Лодзи, принимается нами в условиях невыгодных. По-видимому, это наша участь.

Нашим армиям тесно, сообщения ненормальные. Большие силы оттянуты на частные задачи. Вместо того, чтобы обеспечить себя положением на левом берегу Вислы, выиграть пространство путем операции к N и NW с последних чисел октября, мы, по-видимому, стали готовиться к наступлению в Познанские и Силезские провинции.

Но противник помешал, начав наступление от Торн-Познань. Было ли это наступление, начатое в конце 20-х чисел октября, оценено – не знаю. Внешние факты и сообщения штаба Верховного Главнокомандующего указывают, что, по-видимому, нет.

Горевать об этом поздно. Успеют ли наши армии, смотревшие на запад, соответственно развернуть свои силы на N и N W, покажут события. В донесении от 7-го ноября – ни слова о работе наших войск на злополучных Мазурских озерах и у Сольдау. Занятие немцами Хлищка – совершенно невероятная оплошность со стороны оперировавших на правом берегу Вислы войск.

Та м действует опять-таки Ренненкампф, которому вручили армию. Неужели 2-й, 3-й, 4-й и 20-й корпуса переброшены на Сольдау? Коренные «виленские»^[46] войска переброшены к Висле. Этому я верить не могу. Но мне говорят, что против Мазурских озер действуют 22-й, Кавказский, Туркестанский, Сибирский и 26-й корпуса – совершенно чужие^[47]. Это такой фортель, которому в оперативном отношении и в смысле понимания основ военного дела – ничего противопоставить нельзя. Без помощи Божией выбраться из этого запутанного своими руками положения нельзя.

От штаба Кавказской армии

«6-го ноября наши суда бомбардировали Хопу, откуда готовилось и производилось наступление турок по разным ущельям в Зачорохский край. Огнем судовых орудий разрушены: порт, казармы, таможня и взорван склад огнестрельных припасов, портовые склады сожжены. В долине Ольты-Чая турки отброшены к Бару. На эрзерумском направлении одна наша колонна опрокинула турок у Юз-Берана. В прочих отрядах значительных боевых столкновений не было».

9-го ноября

Телеграмма о положении на театре военных действий 7-го ноября.

«Сражение на пространстве между Вислой и Вартой и на фронте Ченстохов-Краков продолжается. В Восточной Пруссии 7-го ноября происходили только небольшие перестрелки. В Западной Галиции наши войска продолжают наступление».

Я до сих пор чувствую то волнение, которое охватило меня, когда я 5-го ноября прочел извещение, что наши войска (4-го ноября) начали преодолевать проволочные заграждения мазурских проходов. Войскам нашим постоянно приходится преодолевать препятствия, и не атаки их в проходах Мазурских озер или перед Ангербургом меня болезненно волновали, а бесполезность этих атак даже в случае успеха, и сознание, что, по свойствам этой полосы, успеха без должных артиллерийских и инженерных средств, простым фронтовым движением не взять. Меня волновала бесполезность жертв, бесцельность всей операции, постановку кото-

рой могу объяснить себе упрямством и тем, что не отдают себе отчета в положении всей армии после Висленской операции.

Я не сомневаюсь, что великий князь был введен в заблуждение. Из сегодняшней телеграммы видно, что действия в районе Мазурских озер^[48] приостановились – очевидно, проходы не взяты, а главная группа готовится или к переходу Алгерана и атаке высот левого берега (Kirener Höhe – заблаговременно устроенная позиция), в чем сомневаюсь, или сама заняла оборонительное положение. Армия, почти в 6 корпусов парализована значительно [более] слабыми силами. Вот результат.

У Нейденбург-Сольдау-Лаутернбург – тоже прекратились действия, о них не говорят вот уже два дня, и Ренненкампф вероятно отведет свои корпуса назад, ибо торчать ему там незачем. Опять 4 примерно корпусов парализованы слабыми силами и крепостными гарнизонами. Я нисколько не хую соображения нашего генерального штаба, но факты говорят, что в оперативных их соображениях есть что-то такое, что мешает правильному, естественному и сложившемуся вследствие нашего успеха раньше – ходу и развитию дела.

Если бы я не знал великого князя, его манеру работать, его мышления, я бы мог сказать, что это дело его рук и ума. Но при его логичности и знакомом мне способе мышления, ему нужны ясные данные и тогда можно быть уверенным, что выводы его не отойдут от сути дела. Подбор и разработка фактов, их освещение в общей связи не дело полководца. В такие мелочи он не должен, не может входить. Это дело Генерального штаба. Но если вслушаться в то, что говорят ближе меня знающие обстановку штаба, то начальника штаба нет. Данилов и Щелков^[49] все. Следовательно, Юрий Никифорович и начальник штаба и квартирмейстер. Такое совмещение немыслимо. Но Юрий Никифорович по своей природе все в себя всасывает. Через него все проходит: и мелочи жизни, и важнейшие вопросы борьбы. Как бы велики не были бы способности, он с этим справиться не может. Но что хуже всего, мелочи жизни, как микроб, незаметно для человека убивают способности широкого мышления и способность обобщения боевых и оперативных фактов.

Хромает организация работы. Духовная сторона работы забита житейской стороной дела.

Все изложенное – мои предположения, стремящиеся лишь к выяснению причин видимых нам явлений. Но эти предположения базируются на знакомстве с людьми, с их взглядами, привычками, приемами работы, их личными качествами и недостатками.

Положение после успехов, в начале второй половины 20-х чисел октября – было очень трудное и сложное. Я долго не решался прийти к какому-либо определенному выводу, вследствие полной невыясненности нашей и неприятельской обстановки. Но как только пролился признак света, стало ясно, что наша группировка должна была отвечать направлению действий на N W, что о вторжении в Познань и Силезию думать нельзя, а раньше надо создать положение, которое позволило бы нам приступить к этой операции. Было ясно одно, что мы должны начать действия, ставя это последнее условие даже выше направления действий.

А между тем в штабе умы были заняты организацией операции с 1-го ноября в Познанские провинции и в Силезию. Вот что совершенно непонятно и является фатальной переоценкой успехов, достигнутых в октябре.

Я писал М.В. Алексею, что чем раньше эта операция будет нарушена обстоятельствами, тем выгоднее. Немцы поторопились. Бог помог нам и есть надежда, что мы успеем изменить направление наших развертываний и отобьемся, а может быть, и разобьем немцев. Но что с оперативной и технической стороны совершенно ошибочно – это операция в Познань и Силезию и, одновременно, направление 10-ти корпусов на Мазурские озера и на Сольдау. Если в начале войны, обеспечение наших сообщений лучше достигалось операцией к нижней Висле, то после Висленской операции – это обеспечение достигалось операциями к той же нижней Висле, ведомой правым и левым берегом этой реки, с главным ударом – левым берегом.

Как осуществить эти операции – это дело оперативного творчества, но чтобы творить, надо, прежде всего, знать, и дать себе отчет в основательности операции и начертить те координаты, которые должны служить фундаментом строительства.

Генеральный штаб Верховного главнокомандующего очевидно руководствовался иными соображениями, нам неизвестными, и его творчество пошло в ином, по моему мнению, ложном направлении.

Скоро 4 месяца борьбы и только раз духовная сторона этой борьбы проявилась во всей силе – это решение великого князя из очень трудного положения армии перейти в наступление на левом берегу Вислы. Это было его решение, и никто не отнимет у него величие этого решения. Если оно не дало соответствующих результатов, то это вопрос другой – исполнение не могло подняться до уровня самого решения.

Штаб Кавказской армии

«7-го ноября, утром, крейсер «Гамидие», в сопровождении миноносцев, подошел к Туапсе и начал бомбардировку, выпустив около 125-ти снарядов. Наша артиллерия немедленно отвечала, и действия ее были удачны. Ранено три нижних чина и сестра милосердия; среди жителей убит один и пострадало еще 10 человек; материальный ущерб не велик. На эрзерумском направлении одна наша колонна успешно действовала впереди Юз-Верана и наше сторожевое охранение продолжало теснить турок. В остальных отрядах значительных столкновений не было.

За 8 ноября значительных боевых столкновений не было».

Говорят, к нам подходят последние сибирские части – еще 4 сибирские дивизии. Если на Кавказе 2 дивизии и 2 стрелковые бригады, (по-видимому, одна), то на Западном фронте 50 пехотных, 3 гвардейских, 4 гренадерских, 11 сибирских, 4 кавказских и 12 стрелковых бригад, и всего 78 дивизий – выключив 4 дивизии – (13 и 15 корпуса) 74 дивизии и около 21 резервных дивизии – а всего 95 дивизий, не считая ополчения. Против нас австрийцев не более 35–40, немцев полевых 13–15, да резервных не более 20 и ландверных около 6 – всего 13–15. Превосходство очень большое.

И странно, за 3½ месяца никак не можем стать твердо.

10-го ноября

Телеграмма штаба Верховного главнокомандования от 9 ноября о положении 8 ноября.

«Сражение на пространстве между Вислой и Вартой продолжается с крайним упорством. Нами достигнуты некоторые частные успехи. Бои на фронте Ченстохов-Краков не внесли существенных перемен (Новое выражение, иначе говоря – бои ничего не дали). Нами взято до 2000 пленных и пулеметы. В Галиции австрийцы под давлением наших войск очистили Новый Санден».

Из частных источников: немцы, занявшие 5-го ноября Левчицу-Орло-Пионтек, продвинулись к югу – к стороне Брезолы-Конюшки – свыше 40 верст. По-видимому, с утра 8-го ноября их стали теснить обратно, с потерями. Но это сведения частного характера. Полагаю, инициатива к парированию действий германцев и восстановления нашего положения на Бзуре должно было исходить от Рузского.

По октябрьским предположениям, он должен был с 1-го ноября с 3-мя армиями начать наступление на запад. Но 29-го октября движения германцев уже обозначились. Уже 1-го ноября, по донесению Верх. Главнокомандования от 2-го ноября, между Вартой и Вислой боевые столкновения передовых частей развивались в сражение. Таким образом, уже 31-го октября, а вероятнее раньше наступление на W отпало, и надо было приготовиться к другой

операции. Ожидать каких-либо указаний сверху было бы бездейтельностью и непониманием обстановки. Рузский наверно так не сделал. Если германцы перебросили с запада 3 корпуса (частные сведения), то против нас они могут развернуть до 7–8 корпусов. Примерно такую же численность корпусов, не считая Эверта и Ренненкампа, Рузский мог бы развернуть южнее Бзуры.

Потеря Плоцка крупная ошибка. Она могла бы быть несколько умалена, если у нас были бы переправы у Вышгорода, на постройку которой мной указано выше. Предусмотреть и рассчитать, в какой срок армии Шейдемана и Плеве и часть армии Реннекампа могут быть передвинуты к Бзуре отсюда нельзя. Мы не знаем, где они и в какой мере они ввязались на других местах.

Роль Верховного главнокомандования, находящегося в 400 и то более верст от места действия очень трудная. Я бы даже затруднился определить, в чем она может выразиться, в смысле постановки задачи, которая уже поставлена немцами, и в частности, на месте. Все это должно быть исключительно дело Рузского и мешать ему не следует.

Единственная помощь сверху – это направление к Рузскому тех войск, которые находятся к востоку от Вислы. Что стало с злосчастною Мазурскою операцией? Ни слова не сказано о ней, как будто она провалилась куда-то, а ведь там около 6-ти корпусов.

Какое впечатление на войска – громадное напряжение, громадные жертвы, и ничего, и возможно, что взяв отсюда часть войск, мы снова отойдем. Не поверил мне великий князь, когда 31-го июня я ему сказал, операция на восточной границе Восточной Пруссии противоречит здравому смыслу. Мое заявление не было абсолютное. Разбираясь в этих вопросах в марте месяце 1914 года, при начале действий я допускал наступление в Восточную Пруссию из Сувалкской губ., но в составе 2-х армий в 8–9 корпусов. Проходы и Лётцен можно взять, но овчинка выделки не стоит, ибо по взятии их дальнейшая судьба операции обречена на поглощение войск и на занятие территории и больше ничего. Это могло еще пригодиться в начале войны, и то сомнительно, но теперь, когда мы сами на левом берегу Вислы – эта операция, ни с какой стороны, по моему мнению, не должна была иметь место.

В жизни все находит свое объяснение, и по отношению этой операции объяснения найдутся, но вся суть, каковы они будут и для кого. Людей несведущих и не вдумчивых объяснения эти, может быть, и удовлетворят, и инициатор этой операции будет еще больше убежден, что он наступал и соответственно и правильно. Это будет ему успокоение, но это не сотрет потоки слез и горя за десятки тысяч загубленных жизней и искалеченных людей – и так зря, без пользы и с вредом для общего дела. Не желал бы я находиться в шкуре Сиверса и Мищенко^[50].

Но у них все-таки есть утешение. Они верили, что делают дело и исполняют долг. Без сомнения они верили, что взяв – они пройдут до Вислы и обезвредят нам это проклятое место. У них может быть только горечь несделанного, по возможности, порученного им дела. Могли ли они охватить всю нашу обширнейшую и сложную обстановку. Я думаю, что не могли. Это не их дело, а дело высшего управления. И было бы даже нехорошо, если бы во всеоружии фактов и знания обстановки увидели бы, что они делают не соответствующее дело. Для них взятие проходов и Ангерапа – было бы победою – целью их действий – и только; об этом они должны были думать.

Повторяю, я этим не хочу сказать, что владение нами Мазурскими озерами пустое дело. Совсем нет. Оно давало бы известные выгоды моральные и военные, но дальнейшее развитие отсюда наших действий и в нашей обстановке не давало нам: 1) желанных выгод в общем нашем положении данной минуты; 2) отвлекало на второстепенное дело большие силы; 3) было бы не своевременно и 4) ввязывало нас в трудные и необеспеченные операции, которые в наилучшем случае приводили бы не армию, а только часть ее к нижней Висле.

Борьба была бы жестокая и с большими жертвами, а результаты ее, т. е. привод к нижней Висле 2–3 корпусов из 6-ти, достигался легко приводом тех же 2–3 корпусов по железной дороге или по шоссе, к той же нижней Висле.

Обеспечение наших сообщений следовало достигать, как выше сказано, малыми силами в районе наших озер и Немана. Не было бы потерь и славы битв, но задача была бы достигнута малыми средствами, теперь, пока Бобрицкие болота непроходимы. Когда же они замерзнут, то к этому времени это обеспечение должно было быть уже закончено на нижней Висле, как на правом, так и на левом берегах этой реки. Исполнение этих задач было бы делом оперативного творчества.

Теперь же, судя по молчанию штаба Верховного главнокомандования, – дело это начатое не ушло дальше начала и выразилось лишь потерями и усугублением того, что Мазурские озера взять нельзя. А это не верно. Взять их можно, но с должными средствами и когда нужно.

Очень странно, что штаб Верховного главнокомандующего не сразу обмолвился о нашем положении в районе Черновицы. Как будто там ничего не произошло, и нам о том, что там делается, и знать не надлежит.

11-го ноября

«Сражение на фронте между Вислой и Вартой продолжается, причем особенно упорный характер имеют бои в районе к северу от Лодзи. Стремительные атаки германцев в течение всего 9-го ноября нами всюду отражены. Обнаружено появление новых неприятельских сил со стороны Велюня с целью обхода нашего левого фланга. На фронте Ченстохов-Краков и в Галиции без существенных перемен. В боях за 8-ое ноября взято в плен свыше 5000 австрийцев».

«С фронта между Вислой и Вартой получен ряд благоприятных известий. Обозначился отход немцев с линии Стрыков-Згерж-Шадек-Здунска Воля-Возники».

Это, последнее, по-видимому, относится к утру 10-го ноября. Надо думать, что к 8-му ноября Рузский успел развернуть Шейдемана и Плеве. Появление со стороны Велюня может быть парировано частью сил Эверта.

Удастся ли нам после отражения на фронте потеснить противника с Нижней Бзуры на север или северо-запад. Успели ли мы притянуть туда силы с правого берега? Переправа у Вышгорода, не говоря о Плоцке, очень бы нам пригодилась. Мы с превосходными силами боремся с меньшими силами противника и от него отбиваемся, даже, несмотря на то, что над ним был одержан успех. Что мы будем делать, когда германцы, решив обороняться на западе, выделят корпусов 6–8; я говорю о полевых корпусах, окажутся в равных, а может быть и больших силах и в положении более выгодном, чем мы в нашем центральном и тесном положении. Я не касаюсь еще других, невыгодных нам сторон, имеющих внутренний, едва ли устранимый характер, которые должны сказать свое неблагоприятное слово. В предвидении этого считаю, что по мере движения вперед операции делаются все труднее, я высказывал свое несогласие и неодобрение на ряд действий нашего высшего управления, вернее нашего Генерального штаба.

Наша самая слабая сторона – это внутреннее, тесное для такой большой армии положение, из которого мы никак выбраться не можем! Повторяю – войска делают все, что возможно, но Генеральному штабу не удастся поставить армию в более выгодное для действий положение. Что он не чувствует – это явствует из того, что вместо укрепления своего положения после октябрьского успеха – он занялся операцией наступления в Познань и в Силезию на Ерочин-Люблинец. Ничего из этого не вышло, а вместо этого мы копошимся к югу от Бзуры и к востоку от Варты, отбиваясь от врага; затеяли бесполезную и кровавую баню с 6-ю корпусами на Мазурских озерах и с 4-мя корпусами боремся у Сольдау-Нейденбург, отдав важный нам Плоцк.

Вот против чего я восстаю.

Несколько дней, что графиня Игнатьева^[51] говорит мне о каком-то удивительном глубоком обходе Ренненкампа. Сегодня она мне сказала, что вчера, 10-го, думаю, что это было 9-го ноября, великий князь за утренним чаем восторженно говорил об этом с лицом, который ей это передал. Не могу, однако, при всем желании, постигнуть, какой это обход. Очевидно, кавалерийский и в больших массах. Если этот обход совершается к востоку от Вислы, то он может иметь целью действий только разрушение железных дорог. Чтобы сделать основательно, надо коннице придать саперный батальон, хотя бы на подводах. Скажем, не батальон – 2 роты, человек 300 и большой запас взрывоопасных веществ. Это не дурно, если разрушения будут основательны и на всех 3-х магистралях. Произвести этот рейд на левому берегу сложнее. На нижней Висле это маловероятно, а выше Торна река, тоже до Плоцка, в руках немцев, и район на запад покрыт одной – но нашей дорогой. Не знаю, где кавалерийская масса в 3 дивизии могла бы переправиться через Вислу на участке от Мариенбурга до Торна.

12-го ноября

«Лодзинское сражение еще продолжается. В одном из пунктов его наша конница атаковала в конном строю отступавшую германскую пехоту, нанесла ей большие потери и захватила тяжелые орудия. На фронте Ченстохов-Краков сражение развивается успешно для нас, за 9 ноября взято свыше 6000 пленных. Попытки противника переходить в контратаку нами отражены».

Штаб Кавказской армии

«За 9-ноября на эрзерумском направлении наши передовые части продолжали теснить противника и, опрокинув одну его колонну, захватили зарядные ящики, обоз и боевые запасы. К югу от Каракилисы Аларшкетской произошли удачные для нас бои по нескольким направлениям с курдами, усиленными регулярными войсками. В Азербайджане турки понесли поражения в районе Хан-Сурского перевала и на перевалах от Дильмана к Натуру, причем наши войска захватили часть турецкой артиллерии.

10-го ноября развивались столкновения в Чорохском крае. На эрзерумском направлении противник, опрокинутый на всем фронте, принужден к поспешному отступлению и энергично преследуется нашими войсками. На остальном направлении значительных перемен не произошло».

Сопоставляя частные сведения с официальными, можно думать, что угроза нашему правому флангу отпарирована, и немцы вынуждены отойти; не ясно еще на сколько. Судя по предшествующим боям, они отойдут на Бзуру, выжидая подхода Виленской группы; если наступление последней не будет парализовано, немцы перейдут, вероятно, в новое наступление, к югу – на Лодзь, демонстрируя против нашего правого фланга.

Без сомнения, немцы рассчитывали нас разбить и поставить нашу армию в очень тяжелое положение, но, кажется, не вышло. Запоздала ли Виленская группа или немцы полагали, что могут бить нас с слабыми силами – угадать теперь нельзя. Оно и не существенно. На лицо факт – действия с севера не только остановились, но германцы вынуждены были отойти. Необходимо этим воспользоваться и теснить, а если возможно, резать их от Нижней Бзуры, чтобы они вынуждены были отойти быстро и дальше. Этим обезвредим Виленскую группу.

В восточной Пруссии к 6–7 ноября – мы к Мазурским проходам не подошли.

29-го апреля 1915 года. Седлец

Четыре дня, что я в главной квартире главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Состою в распоряжении М.В. Алексева. 23-го апреля выехал из Петрограда в Ставку и день провел с великим князем, Верховным главнокомандующим. Наши душевные отношения еще упрочились. В Ставке был внешний порядок и наружное спокойствие. Меньше спокойствия у Н.Н. Янушкевича^[52]; хотя он здоров и пополнел, но внутри, несмотря на кажущееся спокойствие, его что-то грызет. Ю.Н. Данилов обладает большим самообладанием.

В 9 часов утра начинается работа, т. е. офицерство выходит и начинаются доклады. С внешней стороны все налажено. Что касается внутреннего содержания работ, то судить об этом, и то отчасти, можно только по событиям.

Я был ласково, очень ласково принят великим князем и Петром Николаевичем^[53].

На правом фланге Юго-Западного фронта повисла ожидаемая туча; и 25-го апреля когда там был, тревожные перекаты доносились, как бы и до Ставки. Накануне великий князь был у Иванова и успокаивал Драгомирова^[54], как будто потерявшего самообладание.

26-го приехал в Седлец. Меня встретил М.В. Алексеев и Борисов^[55]. Мих. Вас. имеет меня в виду на 5-ю армию. Великий князь ему, однако, сказал, чтобы взял меня в распоряжение, и это было правильно. Я лично, перемучившись сомнениями, отклоню такое назначение. Нечестно братья за дело, не имея ни командного, ни боевого опыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1914). С 14 июля по 2 сентября 1914 – командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, с 3 сентября 1914 по 17 марта 1915 – главнокомандующий Северо-Западным фронтом, с июня по 17 август 1915 – командующий 6-й армией, с 18 августа по 6 декабря 1915 и с 1 августа 1916 по 25 апреля 1917 – главнокомандующий армиями Северного фронта. С апреля 1917 – в отставке. Убит красногвардейцами в Пятигорске как заложник.

2.

Иванов Николай Иудович (1851–1919), генерал от артиллерии, генерал-адъютант (1914). В июле 1914 – марте 1916 главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, позднее состоял при особе Е.И.В. После Февральской революции – в отставке. С 1918 – участник Белого движения, умер от тифа.

3.

...Верховный главнокомандующий... – имеется в виду великий князь Николай Николаевич (Младший), (1856–1929), генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1901), председатель Совета государственной обороны (1905–1908). С 20 июля 1914 по 23 августа 1915 и 2–11 марта 1917 – Верховный главнокомандующий; с 24 августа 1915 по 1 марта 1917 – главнокомандующий Кавказским фронтом и наместник на Кавказе. После Февральской революции – под домашним арестом в имении Дюльбер (Крым). С 1919 – в эмиграции в Италии, позднее – во Франции. С декабря 1924 – руководитель всеми русскими военными зарубежными организациями.

4.

Плеве Павел Адамович (1850–1916), генерал от кавалерии (1907). Участник русско-турецкой войны (1877–1878). С 19.07.1914 – командующий 5-й армией; с 6.12.1915 – главнокомандующий армиями Северного фронта; 5.02.1916 – назначен членом Государственного совета; 10.2.1916 по состоянию здоровья освобожден от командования. Скончался от болезни.

5.

Шейдеман Сергей Михайлович (1857–1922), генерал от кавалерии (1913). С 15 мая 1912 по 23 августа 1914 – командир 2-го армейского корпуса; с 23 августа – командующий 2-й армией; с 5 декабря 1914 – командир 1-го Туркестанского армейского корпуса; с 4 июля 1917 – в резерве чинов при штабе Киевского в/о. С 1918 – в Красной армии. По некоторым данным, умер в тюрьме.

6.

Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926), генерал от инфантерии. С августа 1915 главнокомандующий армиями Западного фронта. С марта 1917 – в отставке.

7.

...Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1923), генерал от инфантерии. С августа 1914 по апрель 1917 – командующий 9-й армией. После 1917 – на службе в Красной армии. Впоследствии арестован, умер в тюрьме.

8.

...Радко... – Радко Дмитриев (Радко Русков Дмитриев 1859–1918), болгарский генерал на русской службе. В 1913 – болгарский посланник в Петербурге, в 1914 – командир 8-го армейского корпуса, с сентября 1914 по май 1915 – командующий 3-й армией. С марта 1916 – командующий 12-й армией, с июля 1917 – в резерве. Убит красногвардейцами в Пятигорске как заложник.

9.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант (1914). В 1914–1916 – командующий 8-й армией, с марта 1916 – главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, с 22 мая по 19 июля 1917 – Верховный главнокомандующий. После 1918 – на службе в Красной армии, главный инспектор кавалерии РККА.

10.

Селиванов Андрей Николаевич (1847–1917), член Государственного совета. Участник китайского похода 1900 и русско-японской войны (1904–1905). С 21.10.1914 – командующий осадной армией, успешно взявшей крепость Перемышль. С 05.04.1915 – в отставке по болезни.

11.

Ренненкампф Павел Карлович фон (1854–1918), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В августе – ноябре 1914 – командующий 1-й армией Северо-Западного фронта. С октября 1915 – в отставке. Расстрелян большевиками в Таганроге.

12.

Сиверс Николай Николаевич (1869–1919), генерал-лейтенант. В 1915–1916 – исполняющий обязанности начальника штаба Северного фронта, в 1916–1917 – начальник штаба Туркестанского военного округа. После 1917 – на службе в Красной армии.

13.

...ландверных... – имеются в виду ландверные части германской армии, сформированные на основе мобилизации призывного контингента в возрасте от 27 до 40 лет. После окончания мобилизации 1914 года германская армия насчитывала 29 ландверных дивизий пехоты, а также 63 ландверных эскадрона кавалерии, 88 ландверных легких батарей, 36 ландверных батальонов тяжелой артиллерии и 48 ландверных саперных рот.

14.

Водар Александр Карлович (1836–1915), генерал от инфантерии. Участник Крымской (1854–1856) и русско-турецкой (1877–1878) войн. С 1903 – член Военного совета Военного министерства.

15.

...несколько раньше сибиряков. – Имеется в виду 1-й Сибирский армейский корпус.

16.

...Далее Гвардия, Гренадеры... 16 дивизий... – имеются ввиду Гвардейский и Гренадерский корпуса, а также 1-й, 2-й, 3-й Сибирские, 1-й и 2-й Кавказские, 1-й, 2-й и 3-й Туркестанские армейские корпуса.

17.

...принимали участие и М.В. Алексеев... – Алексеев Михаил Васильевич (М.В., Мих. Вас., Алексеев, 1857–1918), генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916). С 19.07.1914 – начальник штаба Юго-Западного фронта; с 22.03. по 04.08.1915 – Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с 04.08. по 18.08.1915 – Западного фронта. С 18.08.1915 по 02.03.1917 – начальник штаба Верховного главнокомандующего; с 10.11.1916 по 17.02.1917 – в отпуске по болезни. С 11.03.1917 – вр. и. о. Верховного главнокомандующего; с 02.04. по 22.05.1917 – Верховный главнокомандующий, позднее – в распоряжении Временного правительства. С 11.09.1917 – в отставке. 02.12.1917 опубликовал воззвание к офицерам с призывом спасти Родину, что считается днем основания Добровольческой армии, принял участие в 1-м и 2-м Кубанских походах Добровольческой армии, осуществляя гражданское и финансовое руководство, скончался от болезни в Екатеринодаре.

18.

Клаузевиц Карл Филипп Готтлиб фон (1780–1831), прусский генерал-майор, директор Прусской военной академии, военный писатель, автор труда «О войне».

19.

Мольтке Хельмут Карл (Старший) (1800–1891), граф, германский генерал-фельдмаршал и военный теоретик. В 1858–1888 гг. – начальник Генерального штаба, фактически главнокомандующий в войнах с Данией, Австрией и Францией. Один из авторов теории внезапного нападения и молниеносного разгрома противника путём окружения.

20.

...завершением победоносного сражения... – Имеется в виду Галицийская битва.

21.

Ренненкампф Павел Карлович фон (1854–1918), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В августе – ноябре 1914 – командующий 1-й армией Северо-Западного фронта. С октября 1915 – в отставке. Расстрелян большевиками в Таганроге.

22.

Сиверс Николай Николаевич (1869–1919), генерал-лейтенант. В 1915–1916 – исполняющий обязанности начальника штаба Северного фронта, в 1916–1917 – начальник штаба Туркестанского военного округа. После 1917 – на службе в Красной армии.

23.

...работу Забелина... – Забелин Александр Федорович (1856–1933), генерал от инфантерии, начальник Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) Военного министерства. Участник русско-японской и Первой мировой войн. С 19 июля 1914 по 27 декабря 1914 начальник снабжений армий Юго-Западного фронта, в 1915–1917 – начальник ГУВУЗ. С апреля 1917 – в отставке. После 1917 – участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции.

24.

Данилов Николай Александрович (1867–1934), генерал от инфантерии. Участник русско-японской и Первой мировой войн. С 19 июля 1914 начальник снабжений армий Северо-Западного фронта, с 30.08.1915 – командир 25-го армейского корпуса, с 13 июня 1916 – 10-го армейского корпуса, с 12 июня 1917 – командир 2-й армией. С 1918 – в Красной армии.

25.

...его высочеству... – имеется в виду великий князь Николай Николаевич.

26.

...армия Гинденбурга... – Гинденбург Пауль фон (1847–1934), германский генерал-фельдмаршал (1914), президент Германской (Веймарской) республики (1925–1929, 1932–1934). В августе-октябре 1914 – командующий войсками 8-й армии, с ноября 1914 – войсками Восточного фронта, с августа 1916 – начальник Генерального штаба.

27.

Гассан-Изет-паша (1871–1931), турецкий генерал-лейтенант. В сентябре-октябре 1914 – командующий 3-й турецкой армией в Закавказье, руководил штурмом Завинской позиции, после поражения под Сарыкамышем смещен.

28.

...Алашкертские войска... подадут руку Кеприкейским... – имеется в виду Кепри-Кейская операция Кавказской армии.

29.

...Результатом этого наступления... – имеется в виду начало германского наступления в рамках Лодзинской операции.

30.

...на наши посты у Лимана... – имеются в виду бои в Приморского отряда генерала Ляхова в районе Батума.

31.

Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918), генерал от кавалерии, начальник Генерального штаба. В августе-сентябре 1914 – Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, в 1915–1916 представитель русского Верховного командования в Союзном совете в Париже, должности, на которой его сменил Ф. Ф. Палицын. После 1917 – участник Белого движения.

32.

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914), генерал от кавалерии. С 19.07.1914 – командующий 2-й армией. В ходе августовской Восточно-Прусской операции 2-я армия потерпела поражение, а командующий после отказа от сдачи в плен застрелился.

33.

...Атака Мазурских проходов... – имеется виду Мазурская операция армии Северо-Западного фронта.

34.

...Одиннадцатидюймовые мортиры мы не подвезем и не установим... – имеются в виду две мортиры Ковенской крепостной артиллерии, выделенные для действия в составе 3-й армии.

35.

...Юрием Никифоровичем... – Данилов Георгий (Юрий) Никифорович (1866–1937), генерал от инфантерии (1914), квартирмейстер ГУГШ. С 25.07.1909 генерал-квартирмейстер Генштаба и одновременно с 17.11.1908 постоянный член Главного крепостного комитета, а с

22.12.1910 председатель Крепостной комиссии при ГУГШ. Ввиду частой смены начальников Генштаба, фактически руководил разработкой плана войны с Австро-Венгрией и Германией. В армии имел прозвище «Данилов-черный». С началом мобилизации, 19.07.1914 назначен генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего. Был инициатором и составителем всех стратегических операций, которые вела русская армия в 1914–1915. С 1918 – в эмиграции.

36.

...манера письма Шеманского... – Шеманский Анатолий Дмитриевич (1868–1942), генерал-майор, помощник главного редактора журналов «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид» (с июля 1913 по декабрь 1916), с 12.07.1916 – начальник штаба 11-й пехотной дивизии, с 08.02. по 19.06.1917 – начальник штаба 46-го армейского корпуса; с 19.06.1917 – начальник штаба 11-го армейского корпуса. С 1918 – на службе в Красной армии, с 1923 – в отставке, умер во время блокады Ленинграда.

37.

...«Гебен» ушел... – Имеется в виду морской бой у мыса Сарыч между бригадой линкоров Черноморского флота и линейным крейсером турецкого флота «Явуз султан Селим» («Гебен»).

38.

... начальник штаба Баиов... – Баиов Константин Константинович (1869–1920), генерал-лейтенант. С 19.07.1914 – генерал-квартирмейстер 1-й армии, с 16 сентября 1914 – и. д. начальника штаба 1-й армии; с 21 декабря 1914 – начальник 6-й пехотной дивизии. В 1918–1919 – в Красной армии, позднее – участник Белого движения в составе Северо-Западной армии, с 1919 – в эмиграции в Эстонии.

39.

...последствий Висленской операции. – Имеется в виду Варшавско-Ивангородская операция 1914, т. е. операция русских войск Северо-Западного и Юго-Западного фронтов против германской и австрийской армий 15(28) сентября – 26 октября (8) ноября, в результате которой войска Юго-Западного и Северо-Западного фронтов остановили наступление 9-й германской и 1-й австро-венгерской армий на Ивангород, а затем на Варшаву и отбросили их на исходные позиции.

40.

...отставной генерал Санников... – Санников Николай Иванович (1837 —?), генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. В 1890–1902 – военный губернатор Акомлинской области, позднее – в отставке.

41.

...мытарства с искусственным дымом... – имеются в виду специальные средства, предназначенные для создания искусственной дымовой завесы, т. н. дымовые шапки.

42.

Санников Петр Николаевич (1875 – после 1958), инженер-полковник. Участник русско-японской войны. С 09.07.1914 по 01.01.1916 – капитан, ст. адъютант штаба 37-й пех. дивизии; позднее, с 21.07.1916 по 03.01.1917 – подполковник, и.д. ст. адъютанта отделения генерал-

квартирмейстер штаба 9-й армии. В 1918 – участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Турции, позднее – во Франции. В 1947 вернулся в СССР.

43.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, военный министр.

44.

...государя императора... – Николай II (1868–1918), старший сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, с 1894 – император всероссийский, расстрелян с семьей в Екатеринбурге.

45.

...На фронте между Вартой и Вислой бои... со значительными силами германцев... – Имеется в виду Лодзинская операция 1914 года, наступательная операция германских войск на Лодзинском направлении русско-германского фронта, проведенная 29 октября (11 ноября) – 11 (24) ноября.

46.

...Коренные «виленские»... – Имеется в виду войска, расквартированные до августа 1914 года на территории Виленского военного округа.

47.

...совершенно чужие... – имеется в виду, что упомянутые автором корпуса не были дислоцированы на территории Виленского военного округа, а разворачивались и перебрасывались на Северо-Западный фронт после мобилизации из других округов страны.

48.

...атаке высот левого берега... – Имеется в виду успешный штурм 8-й и 7-й Сибирскими стрелковыми дивизиями укрепленных германских позиций на межозерных дефиле у мазурских озер Левентин, Войново, Бувельно и Тиркло.

49.

Щелоков (Шолоков) Иван Иванович (1872–1935), полковник. С 25.07.1914 по 26.01.1916 – штаб-офицер для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, с 26.01. по 17.09.1916 – начальник штаба 1-й Особой пехотной бригады, действовавшей во Франции; позднее состоял в распоряжении начальника Генштаба (с 17.09.1916). С 29.10.1917 по март 1918 – начальник канцелярии по демобилизации при штабе главнокомандующего армиями Северного фронта. С 1918 на службе в Красной армии, позднее – профессор Военной академии им. М.В. Фрунзе.

50.

Мищенко Павел Иванович (1853–1918), генерал-адъютант, в 1914 – командующий 2-м Кавказским армейским корпусом, с 1915–31-м армейским корпусом. В декабре 1914 г. отразил атаку 9-й германской армии под командованием Макензена. После революции, не скрываясь, носил генеральский мундир; застрелился, когда к нему с обыском пришли большевики и пытались отобрать погоны и награды.

51.

Игнатьева София Сергеевна (урожд. княжна Мещерская, 1851–1944), графиня, фрейлина императрицы Марии Александровны, церковный и общественный деятель, благотворительница, супруга графа А.П. Игнатьева.

52.

Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), генерал от инфантерии (1914). С началом 1-й мировой войны начальник штаба Верховного главнокомандующего, занимался административно-политическими вопросами. В августе 1915 смещён и назначен помощником наместника на Кавказе по военной части, затем начальником снабжения Кавказского фронта. После Февральской революции 1917 в отставке.

53.

Петр Николаевич (1864–1931), великий князь, младший сын Николая Николаевича (старшего), генерал-инженер, генерал-инспектор. В 1914–1917 состоял при Ставке Верховного главнокомандующего, позднее – при штабе Кавказского фронта. С 1918 – в эмиграции во Франции.

54.

Драгомиров Владимир Михайлович (1867–1928), генерал-лейтенант. Участник русско-японской и мировой войн. С 19 июля – начальник штаба 3-й армии; с 4 ноября 1914 года переведен на должность начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии. С 16 декабря 1914 – командир 8-го армейского корпуса, с 23 марта 1915 – начальник штаба Юго-Западного фронта; с 8 мая 1915 – в распоряжение Верховного главнокомандующего. С 18.08.1915 – командир 8-го армейского корпуса; с 16.10.1916 – командир 16-го армейского корпуса. После октября 1917 – участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии.

55.

Борисов Вячеслав Евстафьевич (1861–1941), генерал-лейтенант, военный историк. В 1910–1914 в отставке, вновь определен на службу во время мировой войны. На 19.02.1915 – генерал-майор, генерал для поручений при главном командующем армиями Северо-Западного фронта, с 28.03.1915 – состоял в распоряжении главном командующего армиями Северо-Западного (позже Западного) фронта, с 06.12.1915 – генерал-лейтенант, с 24.04.1916 – генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего и при Верховном главнокомандующем (с 20.05.1917). Позднее – в распоряжении начальника Генерального штаба. В 1918 – на службе в Красной армии. С 1919 – в эмиграции в Югославии.